

Леонид Бараев.
Часы Фишера

Предисловие публикатора

Эти литературно-психологически-шахматные заметки написал Леонид Павлович Бараев. В данном файле расположена полная версия книги.

Немного о нем: 1935 г.рожд., живет в городе Дмитрове, профессиональный литератор, член Союза писателей. Занимается психологическими аспектами творчества, в особенности - шахматного. В 60-х годах помогал Б.Спасскому при подготовке к матчам с Петросяном.

Из заметок о неразличимости профессионализма

1996

Сказать, что мы, "простые" шахматисты, любители игры, занимающей среди культурных достижений человечества совершенно уникальное место, живем сейчас, как говорится, в самом конце века (и тысячелетия заодно), живем, не более и не менее как в "эпоху Фишера"... Ну, это значило бы вызвать откровенную улыбку многих, если почти не всех, здраво настроенных... Прежде всего гроссмейстеров, мастеров, кандидатов в мастера. Да и изрядного количества разрядников...

И, лично с моей точки зрения, это вполне понятно -- такая реакция, вплоть до покручивания пальцем у виска, свидетельствует (подтверждает) о, мягко говоря, некотором удалении подавляющего большинства коллег американского гроссмейстера от понимания как раз реальных проблем шахматного профессионализма.

И -- не только...

Впрочем, что-то доказывать в интересующем нас плане -- речь идет, надеюсь, о взаимном интересе, двустороннем, автора и благосклонных читателей! -- вряд ли было бы правомерно и тем более -- перспективно.

В любом деле (области знаний, разновидности искусства) процент сносных профессионалов огорчительно (но к этому давно пора привыкнуть, привыкать постоянно и, скажем так, дополнительно), а пожалуй, и почти катастрофически, мал. В шахматах еще хотя бы и потому, что первоначальные (!) правила и даже закономерности сравнительно несложны. Научился, вроде бы освоил их, -- так играй на здоровье, вперед без страха и сомненья! Тем более, что нынешние пути, этапы, предлагаемые практическими, сразу поэтапными, если так позволительно выразиться, шахматами, напроць препятствуют всякого рода "бодяге", рассуждениям, а тем более -- не дай Бог -- философствованиям. Научился -- значит, умеешь, не так ли?... Умеешь -- так пользуйся навыками, борись, побеждай, проигрывай, подымайся -- и снова вдаль, из грязи в князи, а вдруг да получится, попробовать (пробовать) в любом случае стоит!..

"Действительно, наша практическая, реальная жизнь, когда ее не тревожат страсти, скучна и пошла; когда же мы попадаем во власть страстей, она скоро становится печальной: поэтому только те могут быть названы счастливыми, у кого имеется некоторый излишек интеллекта сравнительно с тем, что требуется для надобностей их воли. Ибо при этом условии, наряду с

действительной, они ведут еще и интеллектуальную жизнь, которая все время дает им свободное от печали (курсив А.Шопенгауэра -- Л.Б.) и вместе с тем живо интересующее их занятие. Одного досуга, т.е. свободного от служения воле интеллекта, для этого недостаточно, -- требуется действительный избыток силы: только при нем мы бываем способны к чисто умственному, не подчиненному воле труду: напротив, "досуг без книги -- это смерть и погребение заживо" (Сенека, "Послания", 82). И вот, в зависимости от того, насколько этот излишек мал или велик, существуют бесчисленные степени такой интеллектуальной жизни, проходящей наряду с реальной, начиная от простого собирания и описания насекомых, птиц, минералов, монет -- и вплоть до высшего творчества поэзии и философии. Эта интеллектуальная жизнь отражает не только против скуки, но и против губительных последствий ее. Именно она становится предохранительным средством против дурного общества и против многочисленных опасностей, несчастий, потерь и расточительности, которым подвергается человек, если он ищет своего счастья исключительно в реальном мире. Так например, моя философия не дала мне совершенно никаких доходов, но она избавила меня от очень многих трат". (А.Шопенгауэр "Афоризмы житейской мудрости", цит. по кн. А.Шопенгауэр "Избранные произведения", Москва, "Просвещение", 1992, стр.213-214).

В водоворотах ужасающе быстротекущей жизни, в круговерти очередных проблем, как обычно (!) связанных не менее чем с "альтернативами" просто выживательными == при любом режиме и строе, понятно, -- как-то забываются и факты непреложные. Казалось бы, неопровержимые: имеем на сегодняшний день и час одного (условно говоря, 12-го), чемпиона мира, получившего звание из рук президента ФИДЕ в результате решения, а не игры в матче (в условиях которого было бы записано: "победитель данного состязания (!) провозглашается" и т.д.), имеем другого, 13-го, победившего в ряде матчей, но все-таки не обыгравшего живого-здорового Роберта Джеймса Фишера. Который, якобы, отказывался играть, да вдобавок вообще оставил шахматы. Имеется еще и непобежденный, лишенный звания чемпион, совершенно внезапно для почти всех вернувшийся на сцену в сентябре 1992, выигравший со счетом 10:5 (при 15-ти ничьих) "Матч-реванш XX века" у Бориса Спасского, уже поверженного им в 1972 году с примерно тем же разрывом в счете == 7:3 (не считая ничьих), правда, не в безлимитном, а лимитном (на большинство из 24 партий), матче, где третья, "результативное", очко досталось Борису Васильевичу без игры: на 2-ю партию, недовольный условиями игры в зале, американец не явился.

Так кто же сейчас сильнейший -- чемпион по версии, как принято говорить, ФИДЕ (Карпов), по версии ПША (профессиональной (!) шахматной ассоциации) (Г.Каспаров) ? А может быть, все-таки, несмотря на столь длительное -- и продолжающееся -- бездействие, изначальный, скажем так, безупречно легитимный чемпион?

Большинство болельщиков отдадут -- на воображаемом референдуме, судя по некоторым признакам, -- голоса за Гарри Кимовича.

Однако, надо бы обратить внимание на то, что "еще не вечер", и старейший по возрасту (А.Карпов род. в 1951-м, Г.Каспаров -- в 1963-м, Р.Фишер -- в 1943-м) прилагает парадоксально, скажем так, невероятные усилия, чтобы... по крайней мере в памяти потомков остаться фигурой, пожалуй (!), способной противостоять "незаконникам" (все-таки!) -- хотя бы в воображении (прикидочном, прикидывающем) определенного количества современников, а главным образом, наверное, ==

потомков. Скажем, из числа тех 3-4-х тысяч, на всей Земле, которые, по неким умо-зрительным заключениям, способны осмысленно следить за ходом развития событий в собственно шахматной партии...

Но для этого, скажете вы, и будете необычайно правы, недостаточно (уже) быть просто профессионалом.

Конечно, нужен своего рода суперпрофессионализм.

Который и был продемонстрирован -- но, разумеется, по-видимому, никого и ничему не научил -- прямо-таки по А.Дюма-отцу, -- "двадцать лет спустя".

Р.Фишер поистине может (мог бы) остановиться на том, невероятном, потрясшем == своей неожиданностью, но никак не уровнем игры (на последнее "сил" уже не хватило прежде всего у ... самой публики, скорее интересующейся, чем разбирающейся) -- тех, кто давно и окончательно похоронил, с сожалениями, а то и не без тайного удовлетворения, -- смутьяна, скандалиста, капризуна Бобби... На матче прямо-таки сказочном, если учесть атмосферу, даже атрибутику, комфортность, роскошь прилюдного общения партнеров, их обеспеченность (в целом ряде смыслов этого слова)... Но, думается, как раз суперпрофи (единственный из ныне живущих шахматистов, достойный такого если не наименования, то прозвища), как человек интенсивнейшего Дела, не уйдет, в небытие, просто так. Он еще поставит кое-кого из законных (и не очень) последователей (наследников, с позволения сказать) не в совсем удобное положение. Причем, как раз в общественном (а то и "общепринятом") мнении паспортный возраст, столь маловажный в вопросах Искусства, сыграет не на руку шахматной сравнительной молодежи.

Создается -- да, на наших глазах! -- довольно сложный, во многом все еще недооцениваемый эффект. Может быть, -- один из специфических, по-своему тоже классических (ведь Бобби -- локальный классик во многом, если не во всем, что хоть косвенно связано с шахматами, опять-таки своего рода супер-классик!) "эффектов Фишера".

С одной стороны, его эпоха, его время-- далекое прошлое, нами, обывателями, суетливо-обыденными болельщиками как бы заново старательно отодвигаемое (чтобы особо не мешали обращаться к новым кумирам, свежим, только что испеченным, как говорится, к этим энергичным, зубастым, задиристым мальчикам, начинающим самопрокормленцам, в сущности...). Фишер -- занятное ископаемое, вдруг всплывшее в сентябре 1992 года, отыгравшее матч (который, говорят, он -- считаю, что внутренне, да! -- он задолжал Б.Спасскому) и снова легшее на грунт.

С другой -- он "вечнозеленый", ему, оказывается, еще нет и 60-ти!

Так что, как ни парадоксально, приходится ... ждать. Набирать совсем уж солидный возраст, идти -- в своем, конечно, роде -- на побитие рекордов спортивного (не иначе) долголетия -- Эм.Ласкера, В.Смыслова.

Обскакавших его новых чемпионов, назначенца (Карпова) и его последователя (Каспарова) Фишер предпочитает подстерегать в засаде едва ли (но все еще не!) стариковского возраста.

Им будет неудобно отказаться. Вот в чем дело.

Когда "старец", годящийся многим в отцы, тоже, как видим (как, надеюсь, живы будем, -- увидим), не слишком юным, будет предлагать изнурительные, нереальные матчи, матчи-погружения, в которых изматывается, что обще-понятно, все-таки первым старший по возрасту, -- они будут смущены. Кто-то решительно откажется, несмотря ни на что (скорее всего Г.Каспаров), и будет прав. Но кто-то клюнет? Скорее всего -- Карпов. И тут уж ему, новичку (кто, как поет Мих.Боярский, на новенького), придется по

меньшей мере нелегко. Непривычно. Ведь предстоит на деле как бы отрезать (и отрезать) солидный, очередной, впрочем, кусок собственной жизни и бросить его на съедение -- как бы! словно бы! вроде бы! -- этой акуле-рыбине Фишеру. Придется уединиться с ним, уйти в подполье -- в рамках, да, полузакрытого, едва ли не бункерного ("бункер", смачно произносимое, одно из любимых словечек Бориса Спасского (!), как, кстати, и "тяжба") состязания. Удалиться от мира, играя как раз на публике. Приблизительная, скорее же предварительная, модель была продемонстрирована на о.Св.Стефана и в Белграде. Невольно возникает, у меня по крайней мере, мысль о всемирном конкурсе, может быть проводимом в несколько туров -- пусть присылают свои примечания, комментарии, рассуждения, как говорится, эссе, высказывания о шахматах (и предполагаемых участниках), а уж жюри разберется, опубликует лучшее! -- пусть отбираются и получают призы-билеты на какой-то новый остров. Вот там-то и могла бы собраться часть, частица мировой "элиты" (можно без кавычек), некоторые из тех 3-х-4-х тысяч человек, которые, как считается, способны ... всего лишь "осмысленно следить за ходом (развитием событий в...) шахматной партии".

Предстоящий (что? где? когда?) матч А.Карпов -- Г.Камский? Любопытно, в чем-то занятно. И не более того.

Но вот матч А.Карпов -- Г.Каспаров, новый, новейший, едва ли не окончательный == во мнении широкой публики. Другое дело! Тут будут, не могут не быть, признаки ажиотажа.

Фишер -- Карпов ?! Тот самый матч, возникший из полунебытия длительных, нескольколетних переговоров, почти состоявшийся, почти начавшийся (смотри Вашингтонскую сцену, отраженную в книге Анатолия Карпова "Сестра моя -- Каисса", когда Бобби едва не подписал в деталях подготовленное, по всем -- кроме названия: "МАТЧ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА СРЕДИ ШАХМАТИСТОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ" == соглашение). Это уже третье дело!

Ну, а Фишер -- Каспаров! Страшновато подумать, что здесь может подняться. И что

-- случится. Мировое шахматное мнение, может быть, впервые за долгие года, а то и десятилетия, за последнее столетие (?) впервые, возможно, осознавшее себя таковым, вдруг да оно станет настаивать, скандировать: Гар-ри! Гар-ри! Гар-рик! (намекая как раз на сравнительную молодость, ну, молодость, "претендента", приглашенного на толстый, начисто глушащий любые шаги ковер, приглашенного гораздо более старшим по возрасту -- я чуть было не написал "по знанию", и "по званию"). Гарри! Просим! Покажите ему, раз уж он сам нарывается, нарвался!..

Чемпион окажется в достаточно кокетливом положении. Он вроде обречен на победу, она -- в кармане. Фишеру, допустим, 60-70, ему, соответственно (!) 40-50 (а что -- мужчина в самом соку; да в его годы Вильгельм Стейниц, не говоря уж о Ласкере, о Смыслове, о Ботвиннике...) А если, страшно выговорить, -- 80 на 60?!... Если 85 на 65? Но не страшноватей ли подумать, во что может (мог бы == при продолжении нынешней, достаточно обозначившейся, хотя почти не принесшей ощутимых плодов, линии) превратиться самый последний чемпион, вот-вот уже отмечающий возраст Иисуса Христа (13 апреля 1996 года). Что останется от его нервной системы -- при таком образе жизни?

И эта перспектива хладнокровно учитывается Фишером. Вступившим в своего (! == собственного) рода схватку со временем. Исповедующий, разумеется, высший принцип профессионализма -- принцип безопасности, он, вероятно, не прочь и дальше (дольше) отодвигать срок, момент своего угрожающего, "висящего" вызова.

Таковой может в жизни и не состояться -- мало ли что... С каждым, в частности (тем более!), здоровьем каждого, может внезапно что-то случиться, в том числе и трагическое, и

драматическое, непредвиденное и в принципе даже непредвидимое, происшествие.

Неважно. Разгадав Фишера, его тактику, его, повторяю, направленность, вытекающую из установлений уже супер-профессионализма, мы поймем, едва ли не уже понимаем, как кажется, цену и значимость подобной дамуклизиции (с позволения сказать) современных шахмат.

Более чем заслуженная (с моей точки зрения, по своему роковой) надзирательская функция Р.Фишера должна же, конечно, конкретизироваться. Во что-то (а в шахматах, как отметил великий Нимцович, и мы не устанем это подчеркивать, угроза гораздо сильнее исполнения) воплотиться.

Материализоваться -- пусть в виде подразумеваемой, но, что ни говорите, нарастающей, готовящейся (ежедневно, им, Фишером) угрозы -- вызова на разновозрастный, бункерный, полузакрытый, Бог (один) знает, сколько могущий продлиться, матч.

5 000 000 долларов -- пройденный этап. 10 000 000 ? Разумеется, но для такого матча (Роберт Фишер, р.1943 -- Гарри Каспаров, р.1963), отодвигаемого -- ведь может появиться нечто вроде постоянно (!!) действующего вызова -- и 20 000 000 не жалко. Деньги найдутся, а может быть, как говорится, и не могут не найтись == ради подобного случая. Соберут, сложатся, тем более что... время терпит. Фишер может предложить и такой вариант: друг мой, Гарри, давайте начнем, если не в этом, то в следующем, увы, году, в другое время, но ведь нам обоим очевидно, что оно, это самое время (намекнуть на это ничего не стоит) работает не на вас.

Пошли часы Роберта Фишера.

Вот этот журнальный заголовок, который мне довелось прочитать не то год, не то уже два года назад, стал (становится, на наших глазах, по крайней мере, на глазах исследователей творчества американского классика, так скажем) в повестку дня.

Так что, будет намекнуто -- давай, дескать, "ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА", как сказано у нашего "главного классика" (по выражению И.А.Акимова), А.С.Пушкина, и повторено в заглавии уже не слишком вспоминаемого романа Василия Павловича Аксенова. Потому что дальше будет (тебе, вам) хуже. Дальше для вас, более молодого, будет позднее. Вы, вы, а не я, можете упустить свое время.

Вот что в подтексте непрерывных действий (в смысле тренировок) Роберта Фишера. Вот с чем он "висит" над нынешними коллегами, какими званиями, опереточными или обоснованными, они ни были бы украшены.

Такое может (смог) себе позволить только суперпрофессионал. К тому же -- с солидным стажем.

Такое под силу лишь человеку -- вдобавок (ничего себе довесочек!) овладевшему не только азами интеллектуальной подготовки.

Вот с этим у Р.Фишера послабее обстоит дело. Здесь он не то чтобы новичок, но...

В послании Виктора Борисовича Шкловского величайшему актеру и режиссеру века (оно так и называется "Письмо Чарли Чаплину"), в частности, читаем (Виктор Шкловский "За 60 лет. Работы о кино", Москва, издательство "Искусство", 1985, стр.153):

"Мы знаем в нашей стране как растет хлеб и как идут дороги, и где растут те деревья, из которых делают (разрядка моя -- Л.Б.) дрова, и знаем, что дрова нужно рубить, а землю пахать.

Это знание делает труд обязательным.

Я часто видел Вас, Чарли Чаплин, на экране с поднятым воротником пиджака. Значит, у вас холодно. У нас холодней (разрядка везде моя -- Л.Б.).

Есть еще одна подробность, которая отличает нас от Вас. Если скрипач, певец, писатель -- настоящие люди ("Повесть о настоящем человеке" -- Л.Б.), то работа доставляет им удовольствие. Вот мы думаем, что это есть настоящее отношение к работе.

Так как Вы великий техник экрана, то на Вас приятно смотреть, когда Вы что-нибудь делаете.

Правда, лучше всего на экране, за мою память, Вы сбивали коктейль.

Интересно поговорить с Вами. Вы получаете много писем, вот еще одно".

Р.Фишер получает не намного меньше писем, всякого рода "материалов", ему лично посвященных; ему вручены -- из рук в руки, как я знаю, и номер газеты "Известия" за 5 февраля 1994 года со статьей А.У.Плутника "Вариант Фишера" (стр.5), книжка Л.Бараева и В.Потапова "Поправка Фишера", кое-что еще, в том числе материалы и письмо (с просьбой дать "добрый совет") одного из самых крупных исследователей творчества великого американца. Ответов, какой-то реакции нет как нет.

Почему? Да это очень даже понятно. Р.Фишер продолжает интенсивную подготовку к вышеобозначенным матчам. Или, скорее -- к Главному матчу, которого, возможно, и не будет.

Почему? Да потому, что такова участь шахматиста с большой буквы.

Ч.Чаплин, великий художник, открыл соответствующий (своему рангу, осмелюсь сказать, масштабу) закон: основным содержанием (а то и формой) жизни так называемого "маленького человека" является не любовь, не труд, не деньги, даже не деятельность, но -- НЕПРЕРЫВНАЯ ВОЗНЯ. Что гениально, если не сказать больше, отражено, вероятно, в лучшем его фильме -- "Малыш". В единственном, где партнер (мальчик Джеки Куган) переигрывает величайшего комика всех времен и народов.

Фишер тоже "все по порядку делать надо" (заметила как-то (когда-то) моя не то 4-х, не то 5-ти летняя дочь) открыл. Последовательность. Сперва человек (так необходимо, иначе "можно перепутать", как говорят в народе, как говорила моя же бабушка, "кислое с пресным" -- в результате все закиснет ведь, не так ли?) становится шахматным профессионалом. Потом -- чемпионом мира (или достигает другого, важно, что своего, потолка). А потом уж, "на досуге", так сказать, можно попробовать стать и суперпрофессионалом. И на этом (таком) основании, при подходящих условиях, разумеется, вернуться.

Фишер угрожает возвращением, хотя до конца дней не сыграет, кто знает, ни одной "серьезной", прилюдной, с соблюдением турнирного регламента, как он выражается, партии.

Но он, хотя и того коллеги или нет, влияет на них. Он их подстерегает. Он в засаде. Он наблюдает. Надзирает, как бы издали поправляет их. Пытается все-таки поправить. А вдруг почувствуют (не говорю -- поймут): та вываривающая обыденность, в которую 99 будущих (возможных) партнеров погружено на те же самые 90-99, отводит их от Игры. Разрушает, превращает (их нервы) в ветошку. Потрошит. Даже в чем-то, где-то по небольшому счету перерождает. Ну, не растлевают, но... в образном смысле близко к этому...

Идут часы Роберта Фишера. И вряд ли они остановятся, по крайней мере для тех, кто изучает развитие великой игры, в момент смерти американского гроссмейстера. Скорее напротив -- прибавят хода. А впрочем, никакого ускорения тут не требуется.

Фишер уже на деле доказал, что, как писали (в заголовках статей о "матче-реванше XX века") наши журналисты-специалисты, "двадцать лет -- пустяк". Проиграно целых пять партий (в Рейкьявике лишь две). Зато выиграно десять (а там, в 1972 году, тогда, тоже лишь на три меньше -- семь). Вы скажете, что и противник тот же... Дескать -- уж настолько знакомый, что даже вроде бы и... Отработанный.

Верно, партнер недостаточно показательный. Надо бы посвежее.

Ну, кто-то вроде... А.Морозевича.

Однако, как выражаются в подобных случаях, так тоже нельзя.

Играть с совсем юными и просто "непривычными" -- опасно. Прежде всего для них. Мы знаем, как травмировал, правда, не до конца, а в конце концов, антитравмировал -- на свою (!) голову -- один гений (Карпов) другого, тоже гения (Каспарова). В 1984 году. Счет после 9-ти партий стал 4:0 в пользу уверенного, законного или скорее законченного, сразу в нескольких смыслах слова, чемпиона. А затем и 5:0. Вот тут бы и... остановиться. Сдать матч то есть?!..

А почему бы и нет? Ибо другого выхода не было. Но Карпов не увидел, с кем играет. Его это не интересовало тогда. Он видел, что приближается к побитию рекордов Фишера, но не в четверть-, не в полуфинальном матче, а в состязании на высочайшем уровне. Он, как в свое, в то время (в то же время) было замечено, погнался за тенью Фишера.

И тем самым стал уже не играть, но -- готовить себе жуткое разочарование: в случае, если счет будет... нет, не улучшен, не сравнен (он так и остался по-своему не-сравненным и не-сравненным), а лишь размочен...

Так и случилось, конечно. После чего, можно предположить, Анатолия Евгеньевича стали посещать -- подсознательно, конечно, исподтишка -- мысли не более и не менее как о проигрыше матча. При счете 5:1 по своей инициативе останавливать (оставлять?) матч было еще почти прилично. Можно было как-то это -- для публики, по крайней мере -- объяснить, по-яснить...

Что ж, пришлось сходить (спрыгивать?) с поезда при почти минимальном "преимущество" -- 5:3. В феврале 1985-го. Остановленный, недоигранный матч. Впервые в истории розыгрыша мирового шахматного первенства среди мужчин, что тоже, на мой взгляд, немаловажно.

А если бы не остановились, не прекратили, не прекратились?..

Говорят, Гарри был на подъеме и дожал бы Анатолия.

Говорят, наконец пришла пора допустить трагическую (но уже не трагикомичную ли?) ошибку и юному гению... Да, это ощущалось, помнится: в матче, на игре, при игре, в игре могла случиться какая-то даже нелепость. Внезапная, уникальная неприятность -- для кого-то из участников последняя.

Она не произошла. Мудрый "папа Кампо" спас (как бы) обоих. Избавил от взаимного (!) риска.

Но матч был испорчен, более того -- аннулирован. Ни ведущий в счете, ни... бурно догоняющий не был объявлен победителем. Так это и называлось (называлось, было официально названо) тогда: матч прекращен без объявления победителя. Идея Фишера, формула Фишера (тогдашняя) была похоронена.

Потому что -- теперь это совсем уж очевидно -- оба исполнителя, в особенности один (кто же?), оказались недостаточно и не так подготовленными к такому вот соревнованию. Хотя бы потому, что до самого конца (неестественного, навязанного) несколько смутно, неотчетливо,

недостаточно трезво (здорово) представляли, с кем имеют дело.

По Ботвиннику, с гениальным шахматистом за доской успешно сражаться невозможно. Правило, не знающее исключений. Но ведь нужно еще признать его, уяснить. И им неуклонно, следовательно, руководствоваться. Разглядеть гения, то есть непреодолимого противника (партнера, прошу прощения) в самом молодом -- за все время розыгрыша мирового шахматного первенства, с 1886 года, -- участнике матча на Олимпе, в юноше, проигрывающем то 4:0, то 5:0 (причем, в пятой результативной партии Гарри был переигран настолько чисто, настолько незаметно, настолько по всем статьям, что грех было бы не считать его ...соавтором шедевра), различить это было мудрено.

Но ведь это все идет уж слишком хорошо -- для того, чтобы и дальше (дольше) так продолжаться. Создалась психологически, не побоюсь этого слова -- и Фишер, возможно, что-то такое, что-то (ничто) в этом роде видел или предвидел! == невыносимая обстановка. Этого не могло и не должно было быть. Один гений бьет другого, да еще более молодого-перспективного, -- с таким счетом... Этого не может быть, потому что не может быть никогда, по Чехову. Значит, это (такое) надо немедленно -- по слову, по желанию старшего, так понимаю -- прекратить.

Однако, надо было еще и признать свою недостаточную подготовленность. Если не к игре с таким партнером, то -- в таком соревновании. В безлимитном матче до 6-ти выигрышей. А.Карпов уже показал свою неподготовленность к матчу "по Фишеру" (в Багио), вот только тот, благополучно заверченный (однако -- из самых последних сил, то есть -- кое-как) матч мало чему научил. Тем более что через три года была совсем нетрудная встреча в Мерано...

Подход оказался и тут, и там, и здесь не вполне профессиональным. То есть -- не направленным, в конечном счете, на повышение статуса шахмат, на улучшение мнения об этой игре, о такой игре -- у многих, у Других и просто -- других, у людей, едва отличающих туру от лошади...

Боксер -- а шахматы сравнивают с боксом нередко и более чем обоснованно, как известно, -- боец-профессионал, разумеется, готовится, допустим, к 10-раундовому бою, на тренировках отрабатывает без передышки (кроме положенных в реальном бою традиционных одноминутных перерывов между 3-х минутными раундами), разумеется, не эти 10, а 12-13, а то и 15, а то и больше, раундов. Древние греки-бегуны, готовясь к олимпийским играм, говорят, привязывали к ногам дополнительные тяжести (свинцовые или медные подошвы и т.п.); бегали с отяжелениями и довольно резво, с поясами, наполненными камнями...

Не кажется ли вам, уважаемые читатели, что шахматисту, считающемуся и считающему себя профессионалом... ну, как-то не совсем прилично (а должно быть и непривычно) говорить о слишком большой длительности безлимитного матча. "Что за счет -- была б охота", есть ведь и такая поговорка. Матч не может и не должен быть бесконечным; другое дело, что размеры (длительность) матча могут отпугивать, повторяю, недостаточно подготовленных гроссмейстеров. Тех, кто не привык готовиться к "запойной", безоглядной, так скажем, встрече с желательным -- что крайне немаловажно для профессионала, -- партнером, не может не отпугивать "отключка", извлечение из наркотизирующей суеты так называемой повседневной жизни.

Возня, копошение, гениально открытые Ч.Чаплиным и как бы приписываемые маленькому, обыкновенному человеку, человеку обыденности, держат, не отпускают, заражают, приучают к себе. А возвыситься (вырваться), стать не маленьким, дано далеко не

каждому заядлому спортсмену, даже и шахматисту. Не каждому дано хотя бы частично осознать опасность обычного, деромантизированного, существования. Опасности, своим острием обращенные против профессионализма (в любой области деятельности). "Если скрипач, певец, писатель -- настоящие люди (читай, профессионалы -- Л.Б.), то работа доставляет им удовольствие (в любых -- в принципе? -- количествах). Вот мы думаем, что это есть настоящее отношение к работе."

А тут -- игра. И какая! За одно удовольствие подумать над позицией надо (бы) еще приплачивать. Вот только кому? Уж не тому ли, кто в наше время выдвинул идею безлимитных матчей.

Тем более, что одной из основных, ведущих идей Фишера является стирание граней между подготовкой и выступлением, между игровой и тренировочной обстановкой. Подготовительные же, тренировочно-игровые, действия -- это то, что на сознательном или бессознательном уровне совершается профессионалом (не говоря уже о суперпрофессионале) ежечасно, ежеминутно, скажем так, и во сне, и наяву. От этого отдыха и "лекарства" не бывает; это нельзя считать трудом (от слова "трудно"), работой (от слова "раб"). Можно сказать, что люди, боящиеся слишком долгих матчей, занимаются шахматами между прочим, играют в шахматы всего лишь потому, что способны это делать неплохо и, может быть, все другое делают несколько хуже (если пробовали).

Говорят, очень длительный матч может, право же, превратиться в состязание на выносливость. Но ведь шахматы еще и спорт, к тому же и безлимитный матч ограничен. Выиграй 10 партий подряд и -- гуляй, грубо говоря. Фишер вот сократил число своих свиданий (с М.Таймановым и Б.Ларсеном) до фантастического минимума... Не без помощи партнеров. Но это уже другой вопрос -- как и с чьей помощью.

Для профессионала выступление -- лишь одна из форм применения шахмат (или другого вида искусства). Причем, как правило, -- во второй половине жизни -- не самая главная. Не преобладающая. Шахматы становятся все в большей мере посильным подспорьем в размышлениях. О жизни... самих же шахмат.

Но с кем -- сесть, самостоятельно -- и в то же время соавторски == поразмышлять?..

Сальери, который, конечно же, более чем неспособен... писать музыку вместе с Моцартом -- об этом даже дико подумать, -- протестует у Пушкина не против "шалопайства" великого композитора, но против неподобающего, любому служителю искусства противопоставленного, образа жизни. Моцарт -- в широко-философском смысле слова, а может и узко-бытовом, -- для Инспектора-Инквизитора -- пропитан, промаслен, проникнут (от слова "никнуть, поникнуть") запахами быта, самого благопристойного и необходимого человеку. "Художник?! -- воскликнул как-то Г.Флобер -- так ведь это чудовище". Сальери -- блюститель истинно художественного поведения -- выступает против непротивления быту со стороны Моцарта, против его попустительств обыденности -- например, в виде слепого скрипача. Против его притяния обыденности (от слова "принятый", "приятный"?).

Моцарт не делает ничего безнравственного, плохого -- в композиторском или, так скажем, в домашнем смысле; он -- предупредительный, внимательный, ценящий труд, кухонный в частности ("Пойду сказать жене, чтоб не ждала к обеду"), он играет с сыном, готов, как в таких случаях выражаются, оказать материальную помощь скрипачу. Он -- более нормальный, чем Сальери, человек, а следовательно, по мнению суперпрофи, не может служить достойным примером ("Наследника нам не оставит он").

Можно предположить, что наследники Фишера уже подрастают: непонимание, да еще массовое, совершенно стопроцентное, не может быть сплошным и вечным. Лет через пятьдесят-шестьдесят наши потомки еще прочитают мемуары тех, кто в свое время мечтал сразиться с Фишером, получить... страшновато сказать -- его вызов. Между тем, если очередные чемпионы (Карпов и Каспаров) предпочтут игнорировать инициативу Фишера -- назревающую, на мой взгляд, -- может быть, уклониться молча, может быть, слегка сыронизировав над "совсем стариком", Фишеру ничего другого не останется как попробовать "вырубить" вокруг них более молодую поросль. Но он не завидует такой, своей, участи. Он, быть может, наивно, надеется на появление еще кого-то, на последователей, приверженцев его, классического, направления, кому, в случае проигрыша матча, можно было бы, по-стейницевски, провозгласив троекратное "ура" в честь нового чемпиона, передать звание.

Сальери строже и бесчеловечнее Моцарта, он у Пушкина, в сущности, только критик, не сказавший ни единого критического слова (звука) в адрес, нет, не гения, а бога музыки. Но шахматы -- сравнительное, жесточайше сравнивающее искусство, произведения здесь создаются на основе (и в результате) пристрастной, усиленной, нелицеприятной, предельно скрупулезной чаще всего, критики. Взаимной, обоюдной, непрестанной. Это -- соавторство воюющих, а потому как бы враждующих авторов. Лишь поднявшись на определенную шахматно-культурную высоту, некоторые гроссмейстеры начинают догадываться (мастера и кандидаты, понятно, тоже): чтобы иметь отношение к Большим шахматам, чтобы играть по-настоящему позиционно, "выдержанно", необходимо иное, не военно-схваточное, но дискуссионно-академическое отношение к партнеру, любому -- на садовой скамейке или в турнирном зале, на сцене. Оба соавтора ходят, однако, при любых взаимоотношениях, по лезвию ножа (меча скорее). Каждая нота (неверная) совместно создаваемой, складываемой музыки (музыкальной партии) грозит неотвратимым прекращением творческого процесса, снятием с дистанции, поражением в данной встрече, нередко немедленным, всегда необратимым. По Фишеру (и не только по нему), большинство промахов -- результат несвежести, изношенности, тряпичности, "ветошности" (тут слышится не одна "ветошь", но и "тошнота") нервной системы. Которую необходимо всемерно холить, беречь, сохранять, восстанавливать (по возможности), не давать в обиду и -- еще раз -- оберегать от травм, даже самых мелких. Вся жизнь профессионала -- непрерывные, в идеале, маневры обходительности, осмелюсь так сформулировать эту сторону дела...

Шахматы -- наука-искусство-спорт, где царят чересчур точные и строгие, почти "бесчеловечные" условности, правила, установления. Они к тому же чересчур провокационны. Где-то, когда-то, как-то, какое-то время, в какие-то моменты, создавая некие фрагменты, можно играть совсем не по правилам, и даже == выигрывать именно за счет этого; только в подобных случаях они, шахматы, как бы скрывают от победителя причины его триумфа. Но рано, а чаще поздно (слишком поздно) оказывается, что условности "техники", в частности, особенности, определенная глубина понимания основ игры, -- совершенно необходимы, а постоянное оперирование "безыдейными" ходами обязательно ведет к ошибке. Как в этой игре, так и в жизни. Боксеров, не демонстрирующих общепринятую подготовку, иной раз судьи сразу снимают с соревнований -- за отсутствие, так сказать, технического минимума (техминимума), технического, начального

хотя бы, арсенала. Выходят на ринг, допустим, два молодых человека, одетые, экипированные по всей форме, в перчатках, с безукоризненно перебинтованными руками, и начинают наносить друг другу удары -- не ниже пояса, не открытой перчаткой, не по затылкам. Дерутся вроде бы почти и без оплеух, но их останавливают и просят покинуть место состязания -- "ввиду явной технической неподготовленности". Что-то похожее, только более наглядное и одностороннее, происходит, скажем, в настольном теннисе: один из игроков как-то отбивает мячик, счет растет 5:0, 10:0 не в его пользу и -- судьи не дожидаются 21:0 или 21:1 -- партия (и вся встреча) оканчивается по их решению -- по причине той же "технической неготовности" одного из участников. Хотя нигде не сказано о границе, грани между ударами, выполненными -- хоть в боксе, хоть в теннисе -- по правилам, и ударами "неправильными".

Фишер -- представитель, если так позволительно выразиться, усиленно-правильных шахмат -- и здесь имеет шансы опередить своих более молодых коллег. Которые не столь долго, не столь беззаветно работали над собственно "техникой", то есть == способами отыскания надежных ориентиров для игры, отвечающей духу позиции, а потому в огромном большинстве случаев дающей особый, повышенный запас прочности, защищенности от тех же принципиальных (но не "случайных", конечно) ошибок.

Не слишком умудренный таким опытом Михаил Таль выиграл у Михаила Моисеевича Ботвинника целый матч (на большинство из 24 партий), но с треском проиграл матч-реванш (1961). Играть который он не смог отказаться.

Невозможно представить себе Таля, признавшего меньшую содержательность своей игры и потому сделавшего вывод: в большом, сдвоенном, с позволения сказать, матче (матч+матч-реванш) у меня нет шансов -- превосходство патриарха скажется на большой, на всей (!) предстоящей дистанции. Между тем, как известно, Д.Бронштейн незадолго до начала матч-реванша уверенно предсказал победу пожилому претенденту (так ведь и хочется заключить это слово в кавычки). Именно по причине бльшей содержательности, солидности, что ли, фундаментальности его игры (и подхода к шахматам, надо думать). Длительное, основательно-протяженное состязание многое расставляет по своим местам -- это не надо (ни к чему) специально доказывать. Тут, как говорится, роль случайности сводится к минимуму. Не для того ли, чтобы окончательно ее, случайность проклятую, добить, чтобы потеснить еще, если не исключить, Фишер добавил в условия безлимитного матча пункт о сохранении звания (чемпионом) при счете результативных партий 9:9. Мы хорошо помним, что тут началось, что тут поднялось. В чем только ни обвиняли Фишера. И очевиднее других грехов была... трусость, требование -- себе!

-- форы. Дескать, Карпов, претендент, обязан выигрывать матч как минимум со счетом 10:8. Он не имеет права проиграть больше 8-ми партий, а выиграть должен обязательно 10. В то время как восседающему на троне, чемпиону, достаточно == чтобы сохранить (спасти) звание -- выиграть лишь 9 партий, проиграть же он может целых 9, а не 8. Но ведь при этом как-то не учитывается, что 9, число чемпионских побед, лишь на единицу меньше чаемых 10-ти побед претендентских, что число проигрышей, "допустимых" для чемпиона, то есть 9, на единицу больше, нежели число поражений, вполне допустимых для претендента. А главное -- как мог бы "в случае чего" чувствовать себя претендент, победивший чемпиона с перевесом только в одно очко -- может быть, в результате какой-то маловероятной, чудесной, удивительно-чудовищной и т.п. ошибки, непостижимой, скажем так, оплошности, однако (!) допущенной королем. В решающей партии, допустим, при счете 9:9 кому-то может ведь и "повезти" в самом чистом и мистическом виде -- чего в жизни, тем более шахматной, шахматно-спортивной, при таком умственном напряжении, не бывает, не может случиться!.. А потом ведь и счет 8:8,

"предыдущий" счет, уже показал равенство сил; и следующая партия, в каком-то (мы знаем, в каком) смысле уже решающая для чемпиона: выиграет он ее -- и главное дело сделано, проиграет -- и он на грани катастрофы; а претендент в случае победы обеспечивает себе почетную ничью как минимум. Нервотрепки во многих вариантах оказывается более чем достаточно; задачей Фишера было заранее снизить ее накал. Сконструированные, предложенные, изобретенные им часы имеют ту же цель -- смягчить возможные и почти неизбежные цейтноты, подбросить "соломки" привычно падающим в этих местах тугодумам. Играйте в шахматы, как всегда, как бы призывает он, и постарайтесь достигнуть нужного вам результата... наиболее достойным, наименее суетливым, во всяком случае, образом.

Между тем участь Фишера -- быть непрестанно обвиняемым в том, что формула его матча подогнана "под себя". И это... действительно так. Но, предлагая, выдвигая эту формулу он, по здравом размышлении, выказывает большее понимание сути фундаментальных шахмат, нежели многие из его критически настроенных коллег. Отрицать проще, нежели соответствующим образом, само-отверженно готовиться, пожизненно быть погруженным исключительно в шахматы. Но ведь это так односторонне, это -- флюсоподобие, фанатизм! И т.д., и т.п. С нашей точки зрения, это -- нормальный (чуть было не написал -- обычный) суперпрофессионализм, да, нечастый в любой области деятельности. Такой, какой, например, был присущ К.С.Станиславскому или теперь свойственен Л.Белоусовой и О.Протопопову. Будучи, нет, не выявленным, но лишь почувствованным, он в 99 случаях из 100 не приветствуется, иногда высмеивается -- и довольно умело, тоже "обоснованно", правдоподобно, скажем так...

Профессионализм слишком редок -- как призвание, как совершенно-природная склонность, -- научиться ему невозможно, а "насильно" выполнять его установления -- немыслимо. Но чтобы и отвлечься от него, необходимы достаточно сильнодействующие меры, главная из них, наверное, -- погружение в обыденность, в очередные задачи и задачки, решение которых обеспечило бы какую-то, чаще минимальную, осуществимость, существовательность в рамках "рентабельной" (не далее, не более) профессии.

Фишеру, чтобы "действовать наверняка или почти наверняка" (Н.В.Крогиус), приходится ждать своего часа, дожидаться наиболее выгодного, да, выигрышного, расклада. Рискуя: совсем зеленая молодежь не осмелится попасть в "бункер" тоже патриарха (уже!), а старшие -- вдруг да отнесутся к вызовам окончательного "пенсионера" как к заведомо... несерьезным.

Может вообще ведь ничего не получиться, никто не захочет играть с ним, несмотря на более чем заманчивой призовой фонд, -- вот что самое страшновато-парадоксальное.

Пока он идет и на это.

Потому что другого выхода не видно.

Большая цитата из Лермонтова. "Маскарад", сцена первая:

Арбенин

...Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не ждал участия:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...

Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

Князь
(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. Что ж? топиться!..

Князь

О, я в отчаянье.

Арбенин

Два средства только

есть:

Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Все презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук (курсив везде мой -Л.Б.)
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
"Подлец!"

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Можно цитировать и дальше; например, это ==

Арбенин

Я рад был случаю, чтоб кровь привести в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть -- как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли.
Я вижу все насквозь... Все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Здесь и своего рода программа профессионализма, во многом и супер-профессио-нализма, подготовки к нему, и удивительное объяснение, одно из возможных, дополняющих, столь долгого

отсутствия Фишера.

Рискуя стать совсем старым, клоунски-пожилым, он ждет накопления груза житейских, внешнешахматных неправильностей -- в поведенческом плане почти непоправимых, таких, которые неизбежно вызывают... ошибки на доске. Заслуженные жертвы должны созреть -- это с одной стороны.

С другой -- слишком велика их неподготовленность, возможных "клиентов", к мясорубке конструкции Р.Фишера. Они могут -- а вдруг! -- сдавать друг за другом матчи (о турнирах, как всем понятно, не может быть и речи), ведь сдался же, в детсадовски-смешных условиях (по сравнению с теми, что предлагает Фишер), Р.Хьюбнер -- Т.Петросяну. Рассыпался и по большому счету выбыл уже из строя тот же Тигран Вартанович после поражения в Буэнос-Айресе, которое экс-чемпион так и не смог, как ни удивительно, хоть сколько-то внятно, конкретно объяснить, == хотя специально высказывался (и вроде бы довольно подробно) на эту тему.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То все не потому, чтоб был к нему привязан;
А -- просто -- видел пользу в том.

Наработанный, накопленный авторитет Фишера, его знания, опыт, навыки, совокупность нажитого в игре -- брошены, или скорее заботливо положены, на одну чашу весов. Для того, чтобы -- поднялась другая, чтобы было видно (и кое-кому из непосвященных даже), что за игра эти шахматы. Раз они с людьми, в том числе == либо в первую очередь -- с Фишером, проделывают подобные вещи, словно бы заставляют, побуждают к такому служению, к такому соединению с ними.

Но это может быть не понято и в далекой перспективе, и суперпрофессионал готов к данному варианту, пожалуй, в первую очередь. Как сказано у Э.Хемингуэя, "победитель не получает ничего".

И надежды на "получение" у суперпрофи быть не должно.

Впрочем, разгаданный Другими (кем-то, ну, хоть кем-то) суперпрофессионал уже награжден. Вознагражден. Тем что он всего-навсего подал пример.

Будучи допрошенным, он, разумеется, сказал бы, что совершенно не думал об этом. И оказался бы прав, оказался (и остался бы) правдивым.

Человек, отвоевавший себе возможность вплотную, пожизненно работать в своей собственной области, отдавать Делу решительно все возможное, все силы и все, что в его силах, -- только такого человека можно считать внутренне (!) вполне устроенным. Он рождается словно бы внутри профессии, не расстается с нею ни во сне, ни наяву, и кое-кого (в самом наилучшем, почти фантастическом, случае) заражает своим служением. Впрочем, некоторые суперпрофессионалы и это делают сознательно.

Они появляются на свет еще и с ощущением невыносимости нецеленаправленной жизни, вполне обычной, обыденной, в которой люди, в сущности, не только и даже не столько (см. Закон Чаплина) копошатся, крутятся, сколько меняют свои дела, как

перчатки, а точнее -- готовы их менять, лишь бы дело, то или другое, кормило.

В замечательном фильме "Поездка отца" один из второстепенных персонажей говорит главному (роль которого исполняет знаменитый Фернандель), приехавшему в город на поиски дочери -- как понял Отец, его девочка стала девицей (не самого серьезного поведения): "Повседневная жизнь ужасна, а она -- утешала меня".

Существование профессионалов, племени малочисленного и трудноразгадываемого (само явление это, профессионализм, как-то выпадает из поля зрения огромного большинства так называемых простых людей, то есть тех, чье понимание тут особенно важно, для кого понимание профессионализма в каком-то смысле -- "ключ" к внутреннему благополучию, компас и т.п.), увенчано наличием суперпрофи.

Именно люди, подобные Фишеру, самим фактом своего существования и деятельности, еще раз подчеркиваю, непрерывно продолжающейся и в подполье, во время "уходов" со сцены -- имеют (получают) шансы на прорыв в сознание энного количества этих самых маленьких, простых людей. Разумеется, лишь из числа тех, что испытывают ОТСЛОЕНИЕ ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.

Философское осмысление данной проблемы едва-едва начато, как кажется, и ведется неуверенно.

Здесь мы можем констатировать падение (сбрасывание) таких, как Фишер, такого как вот он, ныне здравствующий Роберт Дж. Фишер, -- скидывание в ненормальность. Даже люди, специально изучавшие его жизнь, творчество, воззрения... не устают удивляться, мягко выражаясь, нелогичности, странности многих и многих поступков Бобби. И ничто, даже самоочевиднейшие факты, такие, как матч-реванш 1992 года, не могут (пример -- М.Е. Тайманов, ни на йоту не изменивший свою концепцию, сложившуюся до сентября 1992 г., -- см. его книгу "Я был жертвой Фишера") побудить их пересмотреть здесь -- хоть что-нибудь. М.Ботвинник не раз выражал мнение, что причиной ухода Фишера в подполье явилась болезнь, болезненное состояние.

Познакомился я, во дворе Центрального шахматного клуба, с одним из наших крупнейших шахматных же психологов, профессором (не стану по понятным причинам вспоминать его фамилию). Через две минуты, услышав, что я уже пару десятилетий "занимаюсь Фишером", почтенный ученый спросил:

-- А вы знаете, что Фишер -- невменяемый?! Ну посудите сами: идет он по коридору с Петросяном -- по окончании одной из партий в Буэнос-Айресе. Их догоняет одна очень известная, знаменитая аргентинская актриса, кладет одну руку на плечо Тиграна, другую -- на Бобби. И знаете, что он делает?... Рывок вперед -- убегает. Спасается, видите ли...

Конечно, я просто не нашелся. Ну что тут сказать? Ответственно относящийся к себе, к своему партнеру, к продолжающемуся, идущему матчу, участник удирает == да, для того, чтобы не было еще одного, совершенно, видимо, по его мнению, лишнего, излишнего отвлечения. Да и о чем они говорили, Фишер с Петросяном, после партии, о чем могли рассуждать?... Скорее надо бы удивиться бесцеремонности, а то и развязности, впрочем, столь понятной и извинительной, кино-(театральной?) звезды. Впрочем, она имеет право -- и возможность! -- не особенно глубоко разбираться в особенностях необходимого, подчеркиваю, во время состязаний, поведения именно шахматистов...

Фишер, к глубокому сожалению, -- но и это, разумеется, весьма понятно, == оказался он ненормальным, как бы задвинутым в психушку, сооруженную так называемым околосахматным и просто

общественным мнением.

Молодые шахматисты, следующих, так сказать, поколений, знающие не только внутренний облик, но само творчество, партии Фишера не слишком подробно, порой даже понаслышке, приучаются (сюда оказался и чудесный матч-92 "подверстанным") все дальше и дальше, все прочнее считать Бобби занятым, почти ископаемым чудачком (в лучшем случае).

Ну, а если вновь появится? Будет такое примерно отношение: ну, и что он теперь, на этот раз, после долгого подполья, выкинет, какой еще чуши наболтает на пресс-конференциях?! Надо заметить, что, в отличие от игрового помещения, конференц-залы действуют на нашего героя действительно не самым лучшим образом, он нередко теряет выдержку, "адекватность" восприятия явно "не своих" проблем...

Вместо открытия живого классика (а Фишер, хоть и не является, на мой взгляд, гениальным шахматистом, безусловно -- одна из самых монументальных, классических фигур в шахматах уходящего века), происходит его задвигание в дебри ненормальщины, закрывание вопроса (проблемы) Фишера.

А в сущности, был ли он, этот пресловутый, вроде бы совершенно неопровержимый, десятилетиями длившийся -- это же факт, с 1972 года по 1992-й! -- уход?

Если вспомнить, что шахматы (что не менее общепризнано) в чем-то где-то, пусть не по самому даже большому счету (для кого -- как) искусство... Которое требует для своего появления, для создания, рождения совершенно особых условий, устанавливаемых прежде всего самим творцом, работником...

Собрав материал, приведя его в порядок, отлично подготовившись к написанию всего-навсего фронтового очерка, Константин Александрович Федин в письме к одному своему знакомому замечает примерно следующее: если не произойдет ничего катастрофического -- со мною -- то очерк через какое-то (он не берет на себя жестких временных обязательств, хотя тут, как говорится, и война не ждет) время появится. И -- добавляет второе, решающее "если": "Если только он (то есть по сути дела уже подготовленный очерк) ПОЛУЧИТСЯ".

Представим себе гроссмейстера, который пропускает один турнир, другой, третий, четвертый, пятый, отклоняет шестое-седьмое-восьмое приглашение. Не играет год, другой, хотя вроде бы остается здоровым. Вывод болельщиков-поклонников вскоре же будет почти однозначным: значит... повредился головой. Еще бы -- отказывается от неплохих, заслуженных заработков, теряет рейтинг (снижает), имя его тускнеет, он выбывает из борьбы.

А по сути -- не участвует в гонке.

Но может быть, он захотел всего-навсего... как ни непривычно, я чуть было не написал неприлично, это звучит, отойти в сторону, присмотреться к шахматам со стороны, как это сделал, допустим, Эм.Ласкер -- после проигрыша матча Капабланке в 1921-м году.

Но такого рода соображения публике обычно остаются непонятными совершенно; что более чем естественно: успех надо развивать, поддерживать, надо кушать, что подают, дают -- бери, бьют -- беги. Другим, тоже гроссмейстерам, не столь известным, скажем, такого рода приглашения (на столь высокопрестижные, а следовательно, совсем неплохо оплаченные) турниры и не снятся. Что это еще за капризы?... Что за простой? Я -- человек простой, так объясните мне этот простой (извините за рифму).

Ну, а если все дело в том, что -- всего-навсего! -- изменились условия? И внешние и, главное, быть может, внутренние, уже не устраивают гроссмейстера? Может быть, та

турнирная обстановка -- вообще и на ожидаемых турнирах в частности == его как творческую натуру уже не удовлетворяет; а он ее (не натуру, понятно, а обстановку) переменить -- в отличие от Фишера, который менял-таки и освещение и помещения даже -- увы, не тот авторитет, не то "нахальство"! -- не может?

Представим себе, нет, даже не писателя, журналиста, который с чемоданчиком материалов, пусть для очередного очерка, занимает многокомнатный особняк -- с условием, что через неделю выйдет из него с готовым произведением. Проходит две-три недели, все сроки нарушены; а ведь его снабжали продуктами; с горячей водой, отоплением, освещением тоже было в порядке, все коммуникации действовали отлично. Почему же нет очерка, ну, хоть какого-то, хоть халтурного? Заболел == это первое предположение. Если же он появляется на публике вроде бы (!) здоровый телом, значит, искомый и непреложный ответ очевиден -- болен духом. В таких условиях и не написать ничего?! Многим, если почти не всем, невдомек, что у него, как, допустим, в наихудшем "фединском варианте", -- не получилось. Очерк не вытанцовался. Никакой. Несмотря на усилия, несмотря на много (несколько) недельные уже размышления, несмотря на то, что перепорчена пара килограмм бумаги, несмотря на то, что журналист пробовал писать в разных комнатах, в том числе в туалете, в ванной, забирался на чердак, на крышу, спускался в подвал. НЕ РАБОТАЕТСЯ. НЕ ВЫХОДИТ. Сон вдруг -- а почему бы и нет? == рассортировался, расстроился, "что-то с памятью моей стало" (даже!), какие-то пошли (и прошли, слава Богу) сбои в организме. Не работалось в этом особняке, надо бы попробовать другой. Или -- вообще переждать этот соннорасстройный, скажем так, период. Надеемся, что журналиста, писателя тем более, если он объяснится доходчиво, извинят многие, а то и очень многие...

А шахматиста -- наверное, не очень. И не все, и не многие. И будут по-своему, в чем-то пусть даже и не по самому-самому большому счету, правы: ведь шахматы, что ни говорите, -- спорт. Пусть на треть (раз уж это == игра-спорт-искусство-наука), пусть на одну только четверть... Налицо уклонение от борьбы. Но ведь, добавим мы, от борьбы-творчества. Но ведь -- от борьбы-науки. Процесс и научного творчества вполне может "не пойти", потребовать передышки.

Фишер пробовал намечать, скажем так, какие-то, кое-какие соревнования для себя -- в период "столь долгого отсутствия": длительные и, судя по всему, тщательные переговоры с Анатолием Карповым, прибытие (прилет) в Белград на матч со Светозаром Глигоричем и внезапный отказ и от одного, и от другого матча... Были, конечно, и другие полувыходы, о которых мы просто не знаем.

Не сложилось, не получилось, не складывалось, общий комплекс условий оказался не тот...

Сколько было разговоров по поводу мучительных, длительных перипетий, малоэнергично выражаясь, созданных, организованных Фишером перед матчем в Рейкьявике, возникших, да, явно по его и только его вине! В чем -- только -- и как только его не обвиняли.

Между тем сейчас, по прошествии десятилетий, просматривается не столько хитрый замысел (план), построенный с целью повлиять на душевное состояние В.Спасского, сколько -- пожалуйста, не удивляйтесь, дорогие читатели, это -- мое частное, сугубо, как всегда, личное мнение -- поиск, установление оптимальной (ориентируясь на собственное, да, "эгоизм" налицо, состояние) даты начала матча. И, во-вторых, -- своего рода, хотя почему это "своего рода"? просто == обретение некоторой, внутренней же, свободы.

Если уж не свободы, то меньшей зависимости от

околошахматных чиновников (в одного из них превратился, к глубочайшему сожалению, сам Макс Эйве, тогдашний президент ФИДЕ, впрочем, пронзительно сочувствовавший Р.Фишеру, шедший у него на поводу не как у капризуна, но как у творческой личности, у которой вполне могут быть зацепки, задержки, сбои и т.п., и т.п.).

Фишер как бы приглашал Спасского: Борис, пойми, услышь, ощути смысл моих "метаний". Ведь я их -- других, этих Других -- хотел бы вообще послать куда подальше. И начать наш матч в очень удобной для нас обоих обстановке, атмосфере, в удобное (взаимно) время, да и так, чтобы заработать поприличнее. Для Фишера повышение гонораров -- естественно, одно из средств (наиболее понятных публике, а может быть и единственное ей понятное средство) повышения престижа шахмат, как игры совершенно особой, которая не только "ничем не хуже скрипки" (М.Ботвинник), но не хуже и гольфа, тенниса, бокса. Здесь вспоминается обещание Фишера получать за свои матчи никак не меньше, чем Мохаммед Али получает (получал в то время) за свои.

Кажется, Роберт выполнил это, сдержал слово. Они сравнялись -- высший общий призовой фонд матчей М.Али и Р.Фишера -- 5 миллионов долларов. Если ошибаюсь, поправьте меня, пожалуйста.

Предрейкъявикская эпопея разворачивалась на глазах у всего шахматного -- и не только чисто шахматного -- мира. И осталась во многом, если не во всем, непонятой. Задним числом исправить положение представляется почти невозможным.

Чтобы получить достойного соперника -- в матч-реванше, -- Фишеру пришлось в течение ровно 20-ти лет "проверять" Спасского, который так и не стал суперпрофессионалом, однако, в деле особо успешного освобождения от влияния шахматных и возлешахматных чиновников, "неподходящего" государства, добился впечатляющих успехов. Второй матч с Фишером, а затем и с одной из сестер Полгар, подвел двойную, вероятно, заключительную, черту под шахматной карьерой Бориса Васильевича. Быть может, самого переутомленного из всех чемпионов мира, не считая самого первого -- В.Стейница...

Спасского подвела неточность, некоторая несвоевременность СТАТУСИЗАЦИИ. То есть самоопределения, самоосознания. Фишер, конечно, помог ему благополучно (да, и от слова "получать") сойти со сцены, сделать это плавно и вместе с тем решительно, Фишер обеспечил его не только, а может быть, и не столько, в материальном смысле, сколько в духовном. Показал своего рода (опять-таки!) пример утонченной (+уточнения) статусизации. Ведь сам Бобби до Кюрасао был щенком, грубо говоря, кидавшимся на трон, в лоб штурмовавшим бастионы старших. Годы, годы и годы, в том числе пропущенные из-за инцидентов в Сусе (Тунис) на межзональном турнире, трехлетие пропущенное просто по личному желанию (что тихо потрясло, помнится -- обоюдное осознание тут тоже не было на достаточной высоте, -- весь шахматный мир)...

Спасский после Рейкъявика жил "абы как", вырвавшись во Францию, плыл по волнам очередных подходящих (и не очень) турниров. Матч с Карповым, считаю, травмировал его значительно. А чем же, в сущности, стоило заниматься, безусловно избавившись от "Угрюм-Бурчеевых" отечественного разлива? Наверное, подготовкой к... матч-реваншу с историческим противником. Если бы такая, целенаправленная -- даже и не без соответствующих заявлений (а почему бы и нет?), -- деятельность, осуществляемая, конечно, с изрядной долей (привнесением) профессионализма, была налицо, глядишь, и у самого Фишера было бы поменьше "шатаний", поглядываний на Глигорича, на самого

Карпова.

Конечно, речь могла и, полагаю, должна была, идти не о скоропалительном, Лас-Вегасском, например (тем более!), проекте. Они оба вполне могли дать понять шахматному миру (общественности, если хотите), что подлинное, в нормальных условиях проходящее, выяснение взаимоотношений между ними -- крупнейшими (если не сильнейшими) шахматистами современности далеко еще не закончено. Что оно, по сути дела, только начинается. Не смогли бы -- а что тут такого уж слишком фантастического?! -- их матчи (а то и серия матчей) несколько потеснить, а то и как-то аннулировать "столь долгое единоборство" глубокоуважаемых двух "К"? Может быть, и конфликтов, ссор было бы -- и не только между новыми чемпионами == поменьше?..

Но эта, старая, так скажем, пара не пошла на перехват инициативы, а точнее -- на сохранение ее. Разошлись, как в море корабли, о чем, как знать, может быть даже и теперь жалеет Фишер, в меньшей мере сожалеет, наверное, Спасский -- его "вина", конечно же, поменьше: инициатором мог быть старший по званию. Не исключаю того, что Р.Фишер мог даже и... испугаться. Так странно, удивительно употреблять по отношению к нему это простое слово, уж слишком не то, чересчур не подходит: ну, разве может суперпрофессионал чего-то или кого-то бояться?.. Но такой, весьма вероятный, испуг. Не свидетельствует ли он о том, что подлинный переход к суперпрофессионализму произошел через несколько лет после Рейкъявика, а может быть и еще позже?

Конечно, речь не о чем-то, напоминающем организацию Каспарова, первую гроссмейстерскую, профессиональную, обеспечившую проведение прекрасных турниров на Кубок мира. Но слегка ... монополизировать розыгрыш мирового первенства (или назвать это продолжение своих соревновательных отношений по-другому)... можно было попытаться.

Не решились. Это выглядело (бы) слишком уж "эгоистично", что ли... Не решился прежде всего Фишер, которому мог подсказать такой поворот только Б.Спасский == своим отказом от участия в очередном претендентском цикле.

Но почему конкретно -- будем, учась у экс-чемпиона, предельно делового человека (как и положено профессионалу, не говоря уж о суперпрофи, он предельно конкретен, расчетлив и умеет впереди телеги ("амбиций", по слову Спасского) неизменно ставить лошадь ("амуниции", по его же слову)), будем придиричиво "вещественны", -- почему Р.Фишер не пошел на такое?..

Думается, он учел решающий и наиболее осязаемый в нескольких смыслах фактор == глубокую, многолетнюю, непреодолимую (20 лет понадобилось Борису, чтобы немного прийти в себя, "отойти" от Бобби, от тех кошмарных, первых тринадцати партий в столице Исландии, войти в относительную норму и выиграть в... два с половиной раза больше партий (не 2, а целых 5) в очередном матче с Бобби!), задубевшую, сцементированную усталость своего желательного и естественного, наилучшего партнера. Надо было выждать, надо было надеяться-таки на лучшее. Надо было в конечном счете заниматься все тем же -- выполнять долг глубокого профессионала == беречь кадры, сберегать, если не спасать (а улучшить положение могло только всеврачающее время), партнера.

И восстановление Спасского, конечно, далеко не полное, повторяю, весьма относительное (другого и быть не могло), состоялось. Кто-то сторяча может это назвать даже возрождением. И с таким определением трудновато спорить.

Борису и себе, продолжаю это утверждать, был подарен Фишером поистине сказочный, чудесный, казалось бы невозможный,

тем более в так называемое "наше время", матч. Он, состоявший из 30-ти партий (из которых первые 11 прошли на "острове грез", как бы в потусторонне-волшебной обстановке, словно природой (а кем же еще?) приготовленной, как раньше говорили, при-уго-товленной, приуготованной Фишеру и его историческому партнеру за их и главным образом его, Бобби, долготерпение) промелькнул как сон.

А тот ли Фишер? -- вот вопрос, который был с самого начала главным и непрерывным, непрестанно-назойливым, я бы сказал, туповато-неотвязным.

Да разве в этом дело?

Так ли уж важен сам уровень игры... сопоставимый, сопоставляемый... с кем, с чем? с чьим? Каспарова и Карпова? Но они будут -- если позволят, разумеется, условия, -- в свое время вызваны на ковер... Ну, может быть, уже в некотором смысле, тени того Каспарова, того Карпова, какими новоявленные чемпионы были в том же (самом), 1992-м, году.

С ними разговор может быть особый и отдельный -- в соответствующей обстановке. Вот Фишер в 49 лет сыграл такой (такой-то) матч. А вы, дорогие друзья, в подобном возрасте на что будете способны, на что "горазды"? Как вы самосохранялись, как тренировались, как готовились к вызову Фишера, да кого бы то ни было? Сколько и какого пороха осталось у вас в пороховницах?

Подобного рода выкладки очень легко объявить пустыми умствованиями, необоснованными прикидками, фантазированием на пустом месте.

Исхожу все-таки из установлений шахматного суперпрофессионализма, представляемого сейчас, увы, в мировых шахматах одним-единственным человеком. Один поручик шагает в ногу, вся дивизия -- не в ногу? Что ж, бывает и так. Только это нуждается в совершенно неотразимых, убедительных до предела доказательствах. Вот их-то и готовит Роберт Фишер, поддерживающий достаточно высокую, постоянную боевую, игровую в том числе, готовность.

Кто станет спорить -- лучшие, наилучшие тем более, времена прошли. Безвозвратно миновали. С природой, по большому счету, да и по среднему, по небольшому, не поспоришь. Но профессионал иначе не может -- он и тут обязан бросить ей (вывод самоочевидный для меня) решительный вызов. И осуществлять его, ковать ежедневно, ежечасно, стараться, пытаться... карабкаться, ДЕЛАТЬ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ, вершить нечто посильное, иногда и предельно доступное. Как получится, как удастся... "Я отвечаю за свои усилия, а не за результат", заметил как-то великий Ласкер. Ничего другого жизнь профессионала как бы и не разрешает. Не предоставляет.

Назвался груздем -- полезай в кузов.

Тем более, что кое-какие вещи, и надеюсь, многие согласятся, немаловажные, упущены. Что-то упущено, ушло безвозвратно. Есть ошибки, неточности непоправимые, есть поступки, как принято сейчас выражаться, необратимые.

Все-таки напряжение было велико. Это была схватка. Свержение монарха, как бы переворот в шахматном (и не только) мире. Сражение -- и сопоставление -- "двух систем". Вот уж что верно, то верно. "Двух систем" -- в том числе и подготовки к ответственным (а они для профессионала все такие) соревнованиям. К Состязанию, к дискуссии -- обсуждению друг друга!

Фишер готовился практически в одиночку. Даже назначение (избрание) секунданта выглядело как принудительная -- что делать, таков обычай, таковы правила проведения поединков! --

процедура. В команде Спасского происходили передраги, изменения состава, смена главного тренера (Бондаревского на Геллера).

Во многом и многом они подошли к первой партии измотанными, издерганными. И неслучайными выглядят грубые, грубейшие ошибки, начиная с чудовищного хода С:h2 (Фишера, будто бы желавшего сразу (!) форсировать ничью).

Матч-72 оказался испорченным, искромсанным с разных сторон. Он заслуживал "реабилитации", "переделки", я чуть было не написал -- переигрывания. Но сделать это было не так-то просто, это откладывалось Фишером на далекое потом -- когда воспоминания станут "окончательными", заматеруют; когда первый матч отодвинется уже точно в другую, даже совсем другую, эпоху -- вот тогда можно играть второй.

Риск заключался в том, что второй вообще мог не состояться. Его и не было бы, если бы не появился истинный, редчайший любитель шахмат, поклонник Фишера до мозга костей -- Ездимир Василевич, ставший при своем "подопечном" чем-то вроде живого талисмана, кем-то вроде дядьки Савельича.

Прежде всего он сам, лично, под свою, как говорится, ответственность -- оберегая отдых (а важнее всего -- сердцевицу, основу, драгоценность отдыха -- сон), памятен дружеский скандальчик, учиненный Бобби по поводу неизвестного вертолета -- оказалось, это американский, военный -- своим шумом разбудивший заокеанского гроссмейстера, оправдания "ответственного за покой"... Строго-дозированными, осмотрительными были пляжные развлечения (появления) -- в отличие от нескольких "запойных" загораний Спасского, приведших к едва ли не опасному солнечному полуудару...

Это было почти неправдоподобное исполнение мечтаний. И на повторение подобного чего-то хоть отдаленно-близкого, крайне трудно (теперь) решиться; как говаривал трибюедовский герой (Фамусов), "ну так и жду содома". Ну, не может, не сможет так быть, чтобы второе чудо прошло, как первое, без сучка-задоринки; обязательно обстоятельства ведь преподнесут некую гримасу, непременно что-нибудь лопнет, откажет, сорвется, провалится!.. Искажится.

С другой стороны, непрерывный -- нацеленный на Большой матч -- тренировочный процесс не может остаться без применения. "Мясорубка" Фишера отлажена, смазана, опробована, обкатана, как бы даже раскручена. Попасть (попасться) к нему "на прием"... На это решится не всякий современный гроссмейстер -- из числа самых ведущих, в частности.

Оказаться за одним столиком с самим Фишером -- человеком так и столько работавшим над шахматами. Играть с ним, да еще полностью на его условиях?!..

Можно сколько угодно говорить, что Фишер уже не тот, далеко не тот, в смысле == не образца 1972 года. Да он и не может быть (оставаться!) тем самым.

Кто знает, чего понаподготовил он за эти годы, десятилетия. Никто не узнает, пока "тайное оружие" не будет пущено в ход. Ясно лишь, что матч-92 со Спасским не заставил Фишера скрести по сусекам, выложиться -- хотя бы и в теоретическом плане -- полностью.

И кто ведает, какой "ряд чудесных изменений милого лица" приготовлен, запрограммирован им для долгого, продлинновенного, чуть ли не вечного матча (до 14 -- 16 -- 18 -- 20-ти побед; а что с него станет, он, "не желая играть", может выдвинуть и такое требование). Какой запас прочности он накопил, какими способами подготовил себя к игре, едва ли не многолетней? Ну хорошо, может подумать кто-то из кандидатов, выиграю я 8 -- 10 -- 12 партий, даже 14, но ведь впереди был бы (будет) целый

новый матч -- до 6-ти, скажем, побед (для меня, по крайней мере, успешного к этому моменту понести тоже кое-какие, может быть, почти такие же, цифровые потери; а вдруг я поплыву, перестану считать, что-то соображать, как это, кажется (что-то такое, похожее, о чем-то сходном шли слухи во время одного из безлимитных матче), было с одним из замечательных гроссмейстеров?!..) Стоп машина -- ни одной (даже одной!) партии вдруг уже не может, ну, никак, даже получая выигранные позиции, ни одной не может закончить в свою пользу -- или ничьи или проигрыши, словом -- поплыл, дело застопорилось. Вот тут-то я, никогда не готовившийся, может быть, и вполнину так (и столько), как (и сколько) готовился Фишер, дойду до полнейшего отупения. Может, он на это и рассчитывает: выиграв у него, у самого Фишера, невиданно большое количество партий (Спасский в Югославии смог победить лишь пять раз!), я могу окончательно сносить, износить, испортить, разладить, затупить свой, так выразимся, победный (победительный) механизм. Да и как играть с человеком, совершенно уверенным (иначе, наверное, опытейший спортсмен не стал бы и предлагать "самоубийственную", взаимоуничтожительную, простите, формулу!), что, скажем, 18-20 партий в одном соревновании у него не выиграет решительно никто. Уйдя на десятилетия со сцены, он мог годами -- годами! времени у него в запасе для таких упражнений уйма, и все его время подлинно его (ни семьи, ни жен-детей-тещь-зятьев, ни пеленок-распашонок, ни кефир-клизтиров: здоровье, по слухам, отменное, весь прямо-таки перетренирован!) -- имитировать подобные нагрузки. А я? Чем я занимался?..

Это был необычайный матч, изобиловавший -- хоть в книгу рекордов Гиннеса == чудовищными, детскими, уже совершенно непонятными, необъяснимыми ошибками. Прежде всего со стороны Спасского, хотя и Фишер постарался -- две партии выиграл нелепо, а в третьей (второй по счету) ему было засчитано поражение за неявку.

Матч выявил, однако -- и вместе с тем -- СТАВКУ НА ОШИБКУ. Которая (ставка) и стала, извините за некоторый каламбур, была, вероятно, с самого начала, сделана Фишером. Чарли Чаплин открыл, как упоминалось, "закон возни" -- участь обычного, обыденного человека (которого иногда подмывает назвать, про себя, конечно, не на страницах этих заметок, человечком). Великий художник ее, участь, конкретизировал, расшифровал, материализовал по-своему... Роберт Фишер открыл своего рода ,закон ошибки"!

Неправильное -- и не только по отношению к шахматам (прямо) поведение в жизни обязательно, непременно ведет к неточностям и промахам за доской. Спасский к моменту начала матча предстал перед ним, Р.Фишером, как человек поистине переполненный, как говорится, тяжким грузом, ворохами нешахматных ошибок. Их число и качество достигло дикой "отметки". Отметка же за поведение -- два с минусом, если не единица: он вел себя "образцово наоборот", совсем, совершенно не так, как полагается (полагалось бы) профессионалу; слишком много было отклонений по этому признаку, слишком много "уклонений" от профессиональной, исследовательской, по отношению к своему Делу, линии. Вот то основание, которое давало Фишеру, нет, не надежду, но уверенность в том, что матч будет выигран... И скорее всего отнюдь не с минимальным счетом, а крупно!

-- несмотря на начальный счет 0:2 (1-ю партию американец проиграл, во 2-й, напоминаю и повторяю, ему было зачтено поражение за неявку -- Фишер не хотел играть при телекамерах, в явно (!) неподобающих, некомфортных, скорее для него особенно некомфортных, условиях). В известном заявлении Е.Геллера,

возглавлявшего делегацию Спасского, -- впрочем, как раз не очень известном: от него никто официально вроде бы не отказывался, но о нем предпочитают сейчас как-то не упоминать, -- в нем говорится, что Фишер был вполне уверен в победе (в матче-72), потому что рассчитывал на "технические" (!!) средства воздействия на психику Б.Спасского.

Расчет был, надежда -- и, как видим, более чем блестяще оправдавшаяся -- была. Но -- на то, что Спасский... сам на себя подействует. Изнутри. И еще как!

Спасский, говоря коротко, с самого начала жил жизнью, в самом лучшем случае, полупрофессионала, частичного профессионала. И это, в основном благодаря огромнейшему дарованию, позволило, правда, не с первой попытки, взойти на шахматный Олимп. При встрече (сколько-то длительном взаимодействии) со 100%-м профессионалом (в котором проглядывал уже и супер-профессионализм) Борис Васильевич был обречен. Страшновато подумать, как сложился бы рейкъявикский матч, будь он безлимитным: по собственному признанию Спасского, он к последней (проигранной им, 7-й проигранной) партии "сломался". Удивительно, как этого не произошло раньше!

В сущности, матч-72 уже не имел особого смысла: Фишер доказал, правда, не в персональном сопоставлении с самим чемпионом, что он играет сильнее всех, а главное -- что как-то старались все-таки не замечать -- подготовлен не то что лучше, но как бы иначе, чем остальные претенденты, куда более основательно, куда более прочно.

И на острие этой подготовки находилось то, что находится и сейчас, так сказать, в авангарде упований Фишера: партнеры не так, как он относящиеся к шахматам, не могут не ошибаться -- грубее и чаще, чем он, пожалуй, -- нелепее... Второй матч со Спасским подтвердил то, что в подтверждении, ни теоретически, ни практически, считаю, уже не нуждалось.

Таким образом, Фишер вольно или невольно обеднил, совершенно сознательно, свою игру, пошел на сужение диапазона приемов выигрывания, если так можно выразиться.

Это (такое) сужение позволило и позволяет ему все более блестяще, отточенно совершенствовать свою позицию, внутреннюю, особым образом организовывать и поддерживать мир ожиданий (ошибки партнера).

В подавляющем большинстве случаев Фишер "хладнокровнее" относится к результату (возможному) партии. Ему не надо ее обязательно выигрывать (или сыграть вничью). Важно достойно провести и завершить исследовательский процесс == совместно с партнером, собеседником, участником равноправной дискуссии. Он более "наблюдателен", он в большей мере способен смотреть на все происходящее натренированным, "объективирующим" взором.

И он -- ограничивает как бы свои возможности, свою структуру ожиданий. Овладев полностью (редкий случай в шахматах, если не единственный) техникой позиционной игры (на самом деле, понятно, овладение непрерывно попросту пополняется, совершенствуется, растет), он подмечает неточности ожидаемые: ему ведь кое-что известно об образе жизни того или иного противника (пардон, партнера), о его "отклонениях" от профессионализма, от беззаветного служения шахматам, то есть == такого, какого они только (!) и требуют. Шероховатости, промахи, ошибки, просмотры и т.п. -- они, так сказать, на кончике пера фишеровского соавтора. Они не могут не следовать друг за другом -- хотя бы потому, что безупречность отношения Фишера к Игре, как правило, -- да практически уже всегда -- выше, нежели у его визави. И, следовательно, надо тщательно, неотступно сосредотачиваться (сосредоточиваться тоже) на, грубо говоря, подлавливании, на "оформлении" победы -- благодаря

подмечанию (подмечиванию) отклонений от классических, позиционных, более чем испытанных, истинных и, пожалуй, единственных -- для Фишера по крайней мере -- линий.

Рейкъявик-72 принес ужасающие результаты.

Югославия-92, может быть, чуть менее рельефные.

Открываю Гоголя, собрание сочинений, повести, том 3-й, Москва, "Художественная литература", 1959. "Шинель", стр.131: "Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую (разрядка везде моя -- Л.Б.) службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-какие глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: "Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь". С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало".

Мудрый гоголевский герой, казалось бы, вогнал себя в самую тупую, примитивную часть работы, превратил(ся) в автомат. Но представим себе некий конкурс, соревнование переписчиков. Там будут сравниваться не только почерки (по красоте -- субъективные судейские оценки -- эстетичности, разборчивости), но и приниматься во внимание количество ошибок: жюри должно включать в себя специалистов в области грамматики, правильности русского языка. И вот их оценки, во всяком случае подсчеты описок, ошибок, помарок, совершенных при переписывании совершенно одинаковых или сопоставимых, сходных по сложности текстов -- это уже в какой-то, а может быть и в почти полной, мере объективный показатель.

Если тот же (такой же, такого же типа... ну, тут пожалуй, уж и сам тип будет другой, сделается несколько иным!) конкурс устроить с директорскими привнесениями, заставить участников переписывать бумаги с изменениями ("переменять" титулы и глаголы -- далеко не верх чиновничьей сложности!), то всем видимые доказательные, наглядные критерии спрячутся, замутнятся, размоются. А в "случае Башмачкина" все яснее и проще -- кто сколько раз ошибся, написал не ту букву, пропустил букву или две, вынужден был исправить написанное и т.п.

Вот на таком, тупо-копировочном, то есть собственно-переписочном конкурсе у Акакия Башмачкина, согласитесь, были бы (возникли бы) совсем неплохие шансы попасть в число лауреатов; кстати, и почерк у него был отработан неплохо.

Если бы будущие и настоящие (что, видимо, одно и то же) партнеры Фишера чуть пристальнее взгляделись в его вполне органичную (для него), ограничивающую (это -- само собой разумеющееся, общепринятое мнение) манеру, возможно, им стало бы... страшновато. Потому что она, манера эта, установка эта, слишком уж отточенная, слишком по большому счету упрощенно-констатирующая, уплощенно-сфокусированная и... труднопреодолимая. И, следовательно, вероятно (весьма вероятно) не так-то просто аннулируемая... возрастом.

Да, Фишер сознательно, строго отказывается от собственных, сколько-то оригинальных замыслов (которые ведь приходится -- куда ж ты денешься! == изобретать, открывать, формулировать за доской, под тиканье часов; которыми можно увлечься -- еще бы, родные ведь детища! -- к которым вполне можно (и это как бы извинительно -- до того естественно) быть (стать) необъективным). А тут еще особенности шахмат как игры, которая в любой момент может -- и от этого тоже никак не избавиться, никуда не деться! -- а иногда как бы и обязана стать... азартной. Тем более, что это, как-никак, интеллектуальное

соревнование, острейшее соперничество, так сказать, двух умов, двух нервных систем, со строжайшим соблюдением довольно изощренных правил.

Сейчас Фишер, не участвующий в соревнованиях, как говорится, текущего репертуара, "навис" над мировыми шахматами -- со своей подстерегающей, наказующей, поистине инспекционной, хотя и упрощающей его подход (к шахматам) манерой.

И избрана (выбрана) она, повторяю, не потому, что является наиболее жесткой, но -- наиболее сподручной, наиболее, если хотите, рациональной.

Чтобы ее как-то... ну, купировать, ограничить -- хотя как именно это сделать, трудно, очень трудно сказать (определить) -- даже наметочно, приблизительно, -- и самому Каспарову пришлось бы... совершать как раз не лишние сложности внутренние маневры. Да и неизвестно еще, в какой мере он лично, Гарри Кимович, открыл и осознал, обдумал, промоделировал для себя это, столь "простенькое", оружие Роберта Фишера.

А вот если он разберется как следует со всеми (или хотя бы основными) трудностями нейтрализации, не откажется ли он -- заранее -- от мыслей о каких бы то ни было контактах с Р.Фишером за доской?

Скажем, совсем упрощая: беда в том, что бороться с Фишером на данном поприще, бороться его же, как принято в подобных случаях выражаться, оружием, означает не больше не меньше, как повторить сам путь Р.Фишера в шахматах (и -- к шахматам), "скопировать" его повседневное отношение к ним, его рабочую манеру, его стиль и само содержание подготовки.

Но кто на это способен?

Кто способен так перестраиваться, да к тому же практически уже не вполне в первой половине творческой жизни? Именно -- творческой, а не только (и не столько) спортивной.

Конечно, чувствуется в таком, с одной стороны холодно-объективном (объективирующем, повторяю) подходе и некоторая остервенелость, не побоюсь этого слова, особо-пристрастная жесткость.

Фишера слишком много и долго обижали коллеги. И в личностном (личном) плане, невольно, а изредка и "вольно", и в творческо-спортивном. Натерпелся и решил... быть "с ними" построже: это так понятно. Натерпелся -- и, следовательно, как бы (словно бы, вроде бы) имеет право...

А связать ему руки, запретить-ограничить... как? с какой стороны? и будет ли это удаваться -- в огромной горячке борьбы?

Что такое процесс писания для обычного, рядового чиновничьего люда (по тому же Гоголю). Да ни больше ни меньше, чем "скрыпенье перьями": "когда все уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни (!) своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже (!), чем нужно, неутомимый человек, -- когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время... когда все (!) стремится развлечься, -- Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге" (цит. соч., стр.133).

Башмачкин погиб потому, что у него украли (грабанули, с плеч сняли) шинель?

Ни в коем случае. Гоголь совершенно определенно

подчеркивает это -- моментами неопровержимо-обстоятельствеными, физиологически-бытовыми. Раздетый Акакий Акакиевич благополучно дошел до дому, травмированный грабителями, замерзающий во время вьюги он не заболел. Почему? Да потому, что не произошло главной катастрофы -- отклонения от обычных, неизменных, незаменимых непеременимых занятий. Не было отрыва от дела, еще не было. Хотя он уже начинался -- на радостях, после того, как шинель была справлена: "Пообедал он весело и после обеда УЖ НИЧЕГО НЕ ПИСАЛ, никаких (!) бумаг, а так немножко ПОСИБАРИТСТВОВАЛ на постели, пока не потемнело" (стр.144).

Отрыв произошел даже не после грабежа, а когда Башмачкин решил (аккурат как явный непрофессионал, то есть потерявший реальное представление о своем положении дел -- действительном положении) заняться абсолютно нереальным делом == вернуть шинель. Забыв о поговорке -- "Что с возу упало, то пропало". Ему бы снова взяться за перо, не выпускать перо из рук: худо-бедно капот (старая шинель) остался. Сразу он никак не мог осознать сохранившихся преимуществ своего так замечательно найденного, от-работанного и заработанного, положения. Постепенно все как-нибудь обошлось бы... А грабеж -- что ж, это дорогой, суровейший, но и полезнейший, может быть, окончательный, урок. Ведь страшно сказать, еще страшнее подумать: Башмачкин погнался аж за двумя зайцами. Он развернул целую эпопею, пустился (!) в сооружение чудо-шинели, шинели высокого, высшего качества, наивысшего уровня из -- всех достижимых. Если бы на месте Петровича оказался какой-то совершенно безамбициозный портной, сшивший некое подобие шинели, некую прозодежду, потеря была бы многократно менее ощутимой, и Акакий Акакиевич, пожалуй, пережил бы ее не столь болезненно, не столь... грандиозно. Это же надо -- решиться пойти к самому ЗНАЧИТЕЛЬНОМУ ЛИЦУ. Из этого получилось только то, что и могло получиться. Башмачкин был разруган -- и поделом, не занимайся не своим делом!! -- да так, что "он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим (казалось бы, на чужого-то как раз и можно среагировать спокойнее; свой-то не распекает, и наверное, Бог даст, не распечат, потому как не за что -- Л.Б.). Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот (!!), сбиваясь с тротуаров... Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель" (стр.133)

Профессионал погиб потому, что перестал быть таковым. Частная жизнь достала-таки человека, в растерянности послушавшегося чужих советов, начавшего хлопотать, вместо того, чтобы продолжать переписыванье, в котором только и было обычное, всedневное спасение Башмачкина.

Партнеры Фишера тоже хватаются за химеры своих замыслов, забывая о более "простых" вещах, начиная хотя бы с непрерывно идущих, тикающих часов. Еще раз повторю: механизм, придуманный и запатентованный Фишером, им мало поможет, он смягчит, конечно, остроту цейтнотов, лишь явную спешку, но не внутреннюю, он способен ликвидировать; так что часы изобретены Робертом Фишером скорее всего и более всего для себя, чтобы создать себе самому дополнительный антицейтнотный комфорт (хотя, казалось бы, уж кому-кому, а ему-то цейтноты не угрожают и не угрожали никогда, скорее напротив...) Но на то он и профессионал, чтобы к старости (!) обеспечивать себе особо благоприятные, "щадающие" условия для работы -- она к тому же ведь умственная, особо тонкая, капризная, быстроразлаживающаяся.

Труд, оказывается, как показывает "пример Гоголя" ("Шинель", из которой, как известно, все мы вышли), должен быть не только внутренне, но и внешне непрерывным. Никак, ну, никак нельзя от него отрываться, отставать, тем более в неблагоприятных (казалось бы; на деле же у Башмачкина... всего лишь особо поучительных, так рискнем сказать) обстоятельствах.

"...приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели" (стр.141). Читаешь, в десятый или двадцатый или тридцатый раз перечитываешь классика и все никак не можешь поверить... И это -- о ком же? об Акакии Акакиевиче? Неужто эта лексика -- "духовно", "вечная идея" -- имеет к нему какое-то отношение?! Куда же он занесся?! Но ведь Гоголь, помимо прочего, одергивая себя, готовит визит к значительному лицу, визит своего героя, решившегося... надерзить (вот это уж полная фантастика):

" -- Но, ваше превосходительство, -- сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была (ему бы собирать эту горсть для достойного (!) возвращения к работе, -- Л.Б.), и чувствуя в то же время, что он вспотел УЖАСНЫМ ОБРАЗОМ (еще бы! ведь эта ужасающая испарина наверняка готовит почву для жабы, для убийственной, смертельной простуды! == Л.Б.), -- я ваше превосходительство осмелился утрудит потому, что секретари того... ненадежный народ..." (стр.153).

Вот оно, закономерное начало гибели: вместо того, чтобы самому работать безупречно, работать и дальше, несмотря ни на что, несмотря на потерю такой, как выяснилось... не строго обязательной, хотя внешне и привлекательной штуки, как шинель (урок преподнесен чувствительный, дорогостоящий, но зато какой полезный, надо было только распознать его, использовать и еще мысленно поблагодарить неизвестных, дидактически безупречно поведших себя грабителей, поблагодарить, а не... гоняться за ними, да еще не без помощи... кого бы вы думали -- самого значительного лица), -- вместо того, чтобы с радостью взяться снова за перо, Акакий Башмачкин, отравленный не своим, совершенно НЕ РЕАЛЬНЫМ, недоступным для него тезисом ("В самом деле две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо" (стр.143)), слетел, как нынче выражаются, с резьбы, кинулся (подался), ну в совершеннейше не ту степь.

Партнеры Фишера оказываются -- по сравнению с ним -- не вполне достаточными профессионалами, людьми не способными так, как он, изучать шахматы, думать -- и переобдумывать -- их основы, фундаментальные особенности столь сложной, столь "синтетической" и крайне, по своей природе, коварной игры.

Спасский хотел (намеревался) в Рейкъявике и победить, даже, как я знаю, где-то "в районе 17 -- 18-й партии", Фишера, и получить крупнейший в истории шахматных соревнований гонорар. Приобрести "две выгоды" -- сделать так, чтобы было и "хорошо" (почет, слава, уважение болельщиков, почитателей) и "тепло" (поправка материального положения). НО ВЕДЬ ТАК НЕ БЫВАЕТ. Не бывает просто потому, что не может быть. Потому что в таком (тем более) деле, такого не может быть никогда.

Говорят, Сальери неправ потому, что не устраивают его внешние признаки "лентяйства" Моцарта ("гуляки праздного"): тот все время не сидит, не корпит за инструментом, не пишет ноты в своей "келье", которой у Вольфганга-Амадея к тому же и нет... Но Моцарт, дескать, все равно (и все-таки) работает 24 часа в сутки, его развеивания (пирушки с друзьями, болтовня, романчики, флирт и т.п.)

-- находчиво и удачно применяемые отвлечения, необходимый отдых, создание условий для плодотворной работы творческого подсознания. И, возможно, на деле,

это действительно так. Но Моцарт, даже не гений, подымай выше -- Сальери называет его Богом музыки ("Ты, Моцарт, Бог и сам того не знаешь. Я знаю, я") == все-таки подает не лучший пример тем, кто идет ему на смену ("Что пользы, если Моцарт будет жив. И новой высоты еще достигнет. Подымет ли он тем искусство? Нет, оно падет опять, как он исчезнет. НАСЛЕДНИКА НАМ НЕ ОСТАВИТ ОН"). Так что и внешнее поведение классика какое-то значение имеет, может иметь. Может сыграть роль -- даже чисто внешнее, индивидуальное.

Важен результат? Конечно. Но все-таки не только; не один результат.

Хотя в шахматах, шахматном спорте, Фишер вынужден (!) идти от результата, строить (готовить) свои выступления "наверняка или почти наверняка", быть нацеленным на успех, на победу, на цифровое, неопровержимейшее превосходство.

И учитывать по возможности -- раз он профессионал -- решительно все мыслимые, предвидимые, в том числе и предполагаемые, факторы, способствующие несомненному успеху или сопровождающие успех, сопутствующие ему.

В известном смысле он довольно рано впал как бы в шахматное старчество, в рассудительность не по времени и как бы не по чину (до завоевания высшего титула).

Алехин перед матчем 1927 года, как известно, заметил: не представляю, как это я могу выиграть у Капабланки 6 партий, впрочем, еще труднее мне представить, каким образом я мог бы проиграть ему 6 партий. И это говорил человек, не выигравший еще у своего исторического противника ни одной встречи!

Он же в конце 30-х годов сказал, что чемпионом мира, новым чемпионом, может стать лишь человек, имеющий повышенное чувство опасности.

Башмакин, получивший, в каком-то смысле и не вполне заслужено, а точнее == все-таки не по чину, не по положению, свою великолепную, по максимуму сделанную, сшитую, сооруженную шинель (все, кроме воротника -- кошка, которую издали вполне можно было принять за куницу, вот грабители и приняли, -- было самого лучшего качества, в пределах, конечно же, доступных средств), потерял бдительность. Совершенно. Он дерзнул даже пойти "на вечер", он, отродясь этого не делавший. Он попал, как Германн из "пиковой дамы", в полностью непривычные условия. Башмакину не пришлось делать ничего особенного, специфического, надо было только идти домой, он и пошел и -- более чем закономерно! -- нарвался на грабителей. Ситуация Германна была сложнее, ему предстояло особое, непривычное (!) действие; впрочем, казалось бы, доступное и ребенку -- надо было вытянуть карту, посмотреть, та ли это карта, какая нужна (туз), положить на стол -- изображением вниз -- и спокойно (выигрыш обеспечен) ждать действий банкмета. Но он и этого не сумел сделать. Почему же он обдернулся? Да непривычно все это, не его жанр, не получилось и не могло получиться -- хотя бы потому, потому еще дополнительно, что получалось два предшествующих, тоже "решающих" раза (впрочем, можно и без кавычек, первые разы были, скажем так, заманивающими -- со стороны Чекалинского? Так получается?). От Германна, казалось бы, требовался один-единственный пустяк: надо был проверить, какая карта вынута из колоды и положена на нужное место, именно та ли карта. Он этого не сделал. Почему? Да всего-навсего потому, что не привык этого делать.

To be continued

Первая публикация книги на этом обрывалась. Сейчас же приведен

Continued

Не был (не оказался) на это нацелен. Не имел, даже в зародыше, такого навыка. Не владел -- неудобно произносить это "высокое", специальное слово, но приходится -- техникой откладывания, выбора извлечения из колоды нужной карты. Хотя, казалось бы, ну какая тут может быть еще техника?! Элементарщина -- взял ту карту, что нужно, глянул мельком (можно и мельком, но лучше пристально, очень внимательно, с задержкой, с фиксацией, с проверкой, так скажем, своего взгляда, с полнейшим осознанием того, какая, именно, та ли, карта вынута, та ли положена; ведь речь идет о таких деньгах, о таком состоянии. Тем более -- в третий, более чем решающий игровой день; он же -- положил и все.

Но, сделав одну ошибку, герой Пушкина, как и герой Гоголя, сделал вторую, решающую уже на все сто процентов, смертельную. Башмачкин быстро отправился на тот свет, потому что стал хлопотать о "несбыточном", занялся вдруг делом наоборотным, то есть совершенно не своим, диаметрально противоположным делом, к тому же бессмысленным, не обещавшим решительно никакого результата. Оно и дало результат -- соответствующий, смертельный. Если бы он остановился -- хоть после распеkania (криков) значительного лица! Еще не поздно было сказать себе: Акакий, спокойно, а что, собственно, произошло? Да ничего такого уж особенного: я жив, здоров, мне явно -- и даже редкостно -- повезло: с меня сняли шинель, пусть новую, великим трудом (Петровича) и жертвами (моими, личными) доставшуюся. Но, может быть, это Всевышний решил так меня поучительно наставить, подсказать мне -- уже окончательно, чтобы до конца дней в нем я не сомневался ни секунды, -- мой путь, мою участь, мое дело, мое все. Этот наорал на меня. Но он -- не мой генерал. Можно попросить прощения, можно как-то, по мере моих сил и разумения, замять этот эпизод, сгладить, спустить на тормозах, можно просто спокойно, главное что спокойно, не отклоняясь в эмоции, уйти; и == скорее к перу, к бумаге, скорее домой или в департамент и -- писать, писать, писать (в смысле переписывать, как герой последнего романа великого Флобера). Главное и единственное -- к счастью, к великому счастью: нет ноющей или ругающейся жены, нет плачущих голодных-холодных детей, нет других проблем! Да ведь я свободный в сущности человек, а не свободен я от своего, родного, кровнейшего, наинужнейшего дела, от своей профессии, которая есть и смысл, и содержание моей единственной, мне, оказывается, принадлежащей, жизни. Так буду продолжать со всем тщанием-прилежанием, как раньше, когда все у меня было стабильно. А эта новая шинель меня свела с правильного, прежнего, совсем скромного, но вполне осуществимого пути, увела от прежнего образа жизни и вот теперь угрожает самой жизни; один раз угрожала -- не получилось, так не допущу ни в коем случае, чтобы у нее, злодейки (!) получилось сейчас.

Отвлеченно рассуждая, какое действие разумное мог предпринять Башмачкин, выслушав генеральские крики? Он мог обратиться к челяди значительного лица -- с просьбой дать ему (может быть подарить, может быть на время, с возвратом, взаймы) какую-то утепляющую, утеплительную одежонку. Ну, хоть шарф, чтобы в шею не надуло. А перед выходом на улицу он должен был (испарина, пот, он ведь "ужасно" вспотел, не забудем об этом)

охладиться, остыть в теплом помещении. Принять, словом, какие-то меры против угрожавшей простуды: ведь в распаренном (не говоря уже о расстроенных чувствах) виде он ни разу не ходил в департамент. А кроме департамента, он, к великому своему счастью, вообще никуда не ходил, следовательно, и не должен был ходить, не должен был поступать как многие, как все, поддаваться окружающим, учитывать их мнения, мнения эти не надо было учитывать именно потому, что они, доброжелатели, -- совсем не профессионалы. Да, да, у них другой подход к житейским, неотменимым проблемам, слишком обыкновенный: потерял шинель (сняли с плеч) -- иди, хлопочи по инстанциям, как положено, как все делают, как приличествует, как заведено. Да еще подсказывают ограбленному наиболее успешные способы... ведения дела, явно обреченного на полнейшую неудачу. Может быть, они, Другие, подсознательно (и -- по-своему -- не без оснований!) считают, что хлопоты отвлекут (могли бы отвлечь) несчастного от прямых, изматывающих, вгоняющих в смертельную (!) тоску, мыслей об утраченной вдруг шинели?..

Умение всегда и всюду любую общепринятую неудачу рассматривать прежде всего как полезный урок -- вот еще одна из привычек, один из навыков профессионала.

Шинель была слишком хороша, чтобы оставаться у Акакия Акакиевича, чтобы на самом деле (!) принадлежать ему, чтобы он мог ею беспрепятственно и безраздельно пользоваться: "зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто он женился (!!), как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был НЕ ОДИН, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, -- подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собой сомнение, нерешительность -- словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь (!) показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? (То есть: не сделать ли шинель, уже решительно во всем (!) шинелью высшего, наивысшего, в рамках возможностей титулярного советника, понятно, разряда?! -- Л.Б.). Размышления об этом чуть НЕ НАВЕЛИ на него рассеянности (вот оно, возмездие, -- Л.Б.). Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ОШИБКИ, так что почти вслух вскрикнул: "ух!" и перекрестился" (стр.141).

Прозаик переходит на стихи: "ух -- вслух" -- рифма. Башмакин, разумеется, вне себя. ВНЕ СЕБЯ. Он себя уже теряет. Потому что готов потерять свою, качественную, более чем привычную, всеобъемлюще важную работу.

Это -- простейшие случаи, с Башмакиным и Германном. Один утратил жизнь, другой -- разум. "Не дай нам бог сойти с ума, Нет, лучше посох и сума" (А.С.Пушкин).

Неизвестно, знающий русский язык -- по его мнению, не вполне достаточно, чтобы читать художественную литературу, -- Фишер заглядывал ли в Гоголя и Пушкина. Но совершенно очевидно, что он рассматривал внутренние состояния своих коллег в моменты совершения ими принципиальных, "переломных" ошибок. В особенности, конечно, в матчах, в трудных поединках, в особые моменты.

Вот самый сложный (сравнительно) случай. Анатолий Карпов получает подарок от претендента; да не один, а четыре -- после девяти партий счет становится 4:0 в пользу чемпиона (осень 1984

г., Москва). Он принимает решение играть как играет и -- ждать пятого, а затем и шестого проигрыша своего зарвавшегося, но, он ощущает, опасного конкурента. Ах, он опасен, он талантлив -- так надо его морально уничтожить... Пусть проиграет со счетом 0:6, и ему плохо будет, и мне хорошо: я побью рекорды Фишера, которые, казалось, нельзя было побить -- он выигрывал четверть-- и полуфинальный матчи со счетом 6:0 (правда, еще и без ничьих), я -- с ничьими, зато -- матч на мировое шахматное первенство.

Между тем было довольно очевидно, что 4:0 есть -- результат безрассудного, от крайней неопытности (см. "обдернувшегося" и не понимающего, как он мог обдернуться, Германна) -- в матчах на высшем уровне -- идущего, поведения претендента. Он решил начать игру с... наскока, с необоснованных атак, спроста давить, налетать на чемпиона: авось получится и здесь, как получалось (иногда!) на предыдущих этапах.

Надо было сказать себе: теперь, начиная с 10-й партии, у нас будет новый матч. Гениальный претендент (а вовсе не мальчик -- тем более "для битья") не сможет не осознать, что он зарвался, а раз он гений -- но это надо было прежде всего признать, -- проиграть матч мне -- тоже вероятно (!), всего лишь гению -- он не может. ("Ведь он же гений, как ты да я" -- А.Пушкин, "Моцарт и Сальери"). В то же время у нас не может быть и ничьи. (А она, своеобразная "ничья" -- вот тут кавычки могут быть и двойными, все-таки, несмотря ни на что, случилась, пробилась себе дорогу как более чем, невероятно... закономерный результат -- ведь матч, впервые в истории розыгрышей мирового первенства, был остановлен со стороны, свыше -- волей президента ФИДЕ, к неудовольствию обеих сторон, хотя одни (болельщики, по крайней мере) говорили, что такое решение спасло Карпова == утомленного-переутомленного, другие -- утверждали, что спасен Каспаров, висевший, по выражению М.Тайманова, над пропастью на одной руке.)

Счет 5:0, рискуя, повторившись, надоест читателям, должен был явиться последним звонком для Карпова. Дальше он уже никак не мог выигрывать -- по крайней мере, со счетом 6:0. Потому что это было бы уж слишком, совсем чрезвычайно несправедливо. Шахматы никак не могли -- в конце концов -- допустить это.

Но Каспаров не был бы им, Карповым, если позволительно так выразиться, проверен на гениальность -- процедура совсем нелишняя по отношению к любому претенденту, а тем более -- самому молодому в истории новейших шахмат. А вдруг да ответ оказался бы положительным, то есть Карпов сам пришел бы к выводу: напротив него, за шахматным столиком, в безлимитном матче, сражается гениальный юноша. Если бы такой вывод был сделан и утвержден -- следствием его могло быть лишь убеждение: победить Каспарова нельзя, видимо, даже со счетом 6:5 (ведь Ботвинник утверждал, что с гением за шахматной доской успешно сражаться невозможно). Правда, история знает победы гения над гением же: Ласкер выиграл у Стейница, причем дважды, матч на первенство мира и матч-реванш. Алехин победил, кстати, тоже в безлимитном матче, до 6 побед игравшемся, Капабланку со счетом 6:3. Но это были уже сходящие, затухающие гении, даже и великий кубинец, переставший профессионально работать над собой, то есть -- строжайше самокритически, оставивший и текущие тренировки.

Каспаров победил, стал побеждать (регулярно) Карпова примерно по той же причине, что и Алехин Капабланку. Один гений был другим специально, досконально разобран, малозаметные недостатки побежденного были обнажены, проанализированы с

величайшей тщательностью, затем еще как бы дополнительно выявлены и... приведены в движение, неправильные действия за доской были заботливо поощрены, "спровоцированы", я чуть было не сказал, срежиссированы, инициированы. На свет появилась продуманнейшая тактика, не чета фишеровскому "простому" ожиданию по == в строго позиционном ключе -- использованию ошибок, очевидных (хотя и обнаружимых под фишеровским микроскопом; чаще всего такой прибор не требовался, в матче со Спасским в особенности -- это были поистине бревна в чужом глазу) промахов.

Если пытаться и дальше проследить взгляд Фишера на коллизию Каспаров-Карпов, то мы увидим ситуацию "самоуспокоенный чемпион". Не отшлифовывавший свой невероятно своеобразный стиль, не занимавшийся с ним, стилем, специально. А это дело требовало особой самоуглубленности, совершенно недостижимой в том игровом вихре, в котором жил, и давно привык жить, Карпов, сейчас он -- вихрь, а не сам гроссмейстер, -- заметно усилился. Турнир за турниром, турнир за турниром, погоня за А.Алехиным... Наверное, теперь Анатолий Евгеньевич уже в несколько раз (!) обогнал первого русского чемпиона по количеству завоеванных первых призов... Игра на всех континентах (кроме Антарктиды), в десятках стран, масса (!) общественных, полу-, четверть-общественных обязанностей; дома он, вероятно, бывает не более месяца, а то и двух-трех недель, в году, а в "тиши кабинета" == несколько часов, посвящаемых разбору филателистической, так скажем, коллекции... Сравнительно непродолжительные сборы -- перед матчами -- только носят кампанейский характер; пока устроились, обустроились, обосновались на новом месте, заново познакомились, распределили занятия, немного притерлись друг к другу -- пора уже выезжать, пора на сцену...

Отсутствие достаточного профессионализма, непрерывной работы по освоению (и пересмотрам, переосмыслению) фундамента шахмат, сказывалось и в недостаточном портретировании основных соперников.

Каспаров был не то что недооценен (это -- само собой), но и не разобран достаточно конкретно. Считалось, что он -- из молодых, да ранних, везунчик, который "попал" в полосу спада у основных конкурентов. Выигрыши у Корчного и Смылова не заставили насторожиться, а начало матча прямо-таки усыпило. Он оказался проще и наивнее, чем думалось.

Не была открыта (впрочем, требовать открытий даже в такой ответственный момент, пусть от целого штаба, от немалочисленной команды; правда, таковые совершаются все-таки в одиночку...) "моцартианская" сторона ситуации, учебы, а скорее научения, Каспарова.

За него, мальчика-Гаррика, было решено родителями, по какой стезе его пускать, разно-, много-сторонне и невероятно широко -- одаренного ребенка. Он мог быть блестящим историком, географом, социологом (пожалуй), лингвистом, не исключено, и физиком... Да мало ли кем. Решили -- пусть станет шахматистом. Тренеры оказались сразу рядом -- высокой, высшей квалификации, заботливые, чуткие, тактичные, умелые... И буквально за несколько лет, но таких "нежных", податливых, подходящих, научили играть в шахматы на высоком уровне. Может быть, специфически-шахматное дарование и было сильнее, больше, даже огромное других, может быть; теперь уж никто не скажет, так это было или иначе... Но, несмотря на успехи, в чем-то превосходящие детско-юношеские достижения Толи Карпова, плотного, полного единения с шахматами, естественно, не произошло. Потому что он, Гаррик, их, шахматы, не сам выбрал,

потому что не работал полностью самостоятельно -- для осуществления, оправдания, обоснования и полнейшего использования своего выбора.

Да, это был правильный, точный, если хотите, мудрый выбор.

Но -- не самый самостоятельный. За него выбирали, за него решали. Его приставили (чуть было не написал -- прислонили) к шахматам. Вдвинули в шахматы, в каком-то смысле обязали быть шахматистом, надеясь, что некоторое время спустя он станет очень хорошим, отличным шахматистом.

Он стал, по всеобщему или почти всеобщему признанию, гениальным. Он == единственный из ныне живущих гроссмейстеров, кто не знал даже относительных неудач на своем пути к трону. Разве что первый матч с Анатолием Карповым, который он не выиграл; но ведь и не проиграл, потому что победивший его -- ну, на промежуточном, так скажем, финише, со счетом 5:3, -- чемпион мира не был "объявлен победителем". В какой-то мере именно тогда, в феврале 1985-го, его имя стало приобретать героический ореол -- еще бы! "долгоиграющий проигрыватель" не стал ни победителем, ни -- тем более! -- проигравшим. Он сохранил право на... своего рода матч-реванш, уже лимитный.

Который А.Карпов, ну просто -- кровь из носу, -- как бы (так получилось!) был обязан выиграть...

Казалось бы -- почему?.. Зачем непременно побеждать?! Достаточно ничьей -- для сохранения звания. Да и так ли уж надо непременно доказывать, показывать цифровое превосходство над молодым, все еще, год спустя, рекордсменом, все еще самым молодым претендентом в истории борьбы за мировое шахматное первенство среди мужчин (с 1866 года): он в 1984-м выступал, оказывается, с большим возрастным запасом...

Но Карпов был уже на взводе. Он завелся. Он бросился в атаку, почти как Гарри ровно год назад; играл нередко на выигрыш -- независимо от складывавшейся на доске ситуации, от позиции. И это было самое опасное, ненужное и неестественное для него.

Анатолий Евгеньевич может успешно творить, ткать свои неподражаемые и часто совершенно невидимые фигурные узоры, создавать позиции редкостного, чудесного взаимодействия между своими фигурами (М.Ботвинник это назвал -- неточно == доминацией) только в состоянии покоя. Только будучи свободным, -- прежде всего от узко-спортивных соображений, будучи к ним равнодушен, будучи благо-душен, он может плести прочнейшие кружева удивительного взаимодействия. Партнеры, стремящиеся этот, казалось бы, хрупкий, узор нарушить, разорвать, чаще всего сами подставляются, раскрываются. И тогда армия Карпова, связи внутри которой дополнительно налаживаются и крепнут, сливается, заползает в эту, поневоле возникшую, щель. Отсесть, откусить "щупальце" -- а иногда, повторяю, вся ар-мада, вся ар-мия входит в прорыв -- невозможно. Остается только ждать конца, неизбежного, неотвратимого... Не кровавой казни, как в партиях, многих, Каспарова, но, не лишенного как бы гигиеничности, удушения. Многие, увы, даже не подозревают, как конкретизируется стиль Карпова, в чем он -- наибольший, уникальнейший, мастер. Некоторым коллегам кажется, что он -- лишь первое приближение к истине -- умеет (в основном в спокойных, так называемых простых позициях) неплохо, удачно ставить свои фигуры, правильно ставить, что он играет в хорошие, прочные позиционные шахматы. На деле же это -- шахматы, скажем так, прочнейше узорчатые, гибко-узорные. Это -- манящая и заманивающая красота, несколько -- с виду, только с виду! -- возбуждающе-хрупкая. Простоватому атакеру (а большинство, пусть не подавляющее, обычных шахматистов, в том

числе и гроссмейстеров, принадлежит, увы, именно к этому типу), играющему иногда очень и очень сильно, но по принципу "он -- туда, а я -- сюда, он -- так, а я -- вот так" и в конечном счете: "он мне -- по морде, а я ему -- по рылу, он мне -- по сопатке, а я -- чем хуже, око за око, зуб за зуб, мы на удар отвечаем контрударом, а то и -- двойным ударом" и т.п., и т.п., -- атакеру и сдатчику (не от словосочетания "сдавать партию", но "давать сдачи": помните песенку из боксерского фильма послевоенных лет: "При каждой неудаче давать умеете сдачи -- иначе вам удачи не видать"?) кажется, что он, ну просто обязан нарушить, разрушить эту подспудную, но оттого особо вандализирующе действующую, красоту; это -- сродни желанию непременно достать беззащитный цветок (находящийся, однако, на расстоянии подальше, побольше протянутой руки), понюхать (нюхнуть его) и ... отбросить за ненужностью дальнейшей. И вот они тянутся, растягиваются, карабкаются к нему, скользят, падают, ползут по-пластунски, представляя собой отличную мишень...

Карпов действительно дает сдачи, обволакивая, обнимая обидчика, и -- держит его до тех пор, пока тот не задохнется. Он наступает на него, используя "щели", как стена, от которой не укрыться, никак не обойти ей, не перепрыгнуть, не уйти; это -- непреодолимая стена, по слову гроссмейстера Игоря Зайцева, бывшего многолетнего первого, вернее -- главного, тренера А.Карпова.

Именно поэтому Фишер так подошел к своей подготовке (к

Евгеньевич не догадался, что во многом "эгоистические" условия Фишера, предложенные -- к сожалению, в слишком ультимативной (по сути дела) форме -- ФИДЕ, готовились специально "под него", под Карпова, с учетом его уникальнейшего, ни на кого, ни на что даже не похожего стиля. Карпов стал эталон-партнером и... не заметил этого.

Да, Р.Фишеру ничего не оставалось, как надеяться, что он постепенно, даст Бог, привыкнет, приспособится к такому ведению партии на большой, вольготной, неограниченной дистанции, на протяжении многих и многих ничьих и... дождетя некоторой добровольной эволюции этого, с виду совершенно непреодолимого, стиля. Но вся закавыка (или одна из главных закавык) заключалась в том, что "разложение" столь удивительного стиля возможно было -- если рассуждать логически, все глубже анализируя натуру А.Карпова -- лишь на стадии, как ни парадоксально это звучит, ленивого ожидания; а ждать деловой Карпов мог только того, что почти (в сущности, практически уже почти) сделанное дело будет доделано... как-то само собой: "э-эх! зеленая сама пойдет... подернем -- да у-ухнем!" -- поется в песне о нашей знаменитой дубине. К тому же добивать (собственно) противника Карпов не привык и не умеет. Да и бить, наступать, идти вперед в общепринятом смысле, как ни странно, это -- тоже не его жанр. Надвигающаяся стена это -- не атака, это -- ответная мера, она, стена, движется на лежащего, то есть споткнувшегося, растянувшегося противника.

Вторая опасная для Карпова ситуация -- это когда он сам начинает играть, активничать, не просто мутить воду, но бить сплеча. Тут его удары получаются какими-то почти усредненными, как бы задумчивыми, не столько раз-машистыми, сколько вот именно раз-думчивыми. Он пробует двигаться вперед, но делая это без конкретных поводов (щелей нет), не в виде заползания, а в виде ведения атакующих колонн, придерживает кое-что про запас, держит, например (неизвестно зачем), конницу в... резерве; где она, часть ее по крайней мере, вполне заслуженно и погибает. Классически показательна в этом смысле знаменитая последняя, самая последняя, 24-я, партия матча 1985-го года, которую А.Карпову надо было непременно выиграть и которую он,

разумеется, играл как-то двойственно, которую с треском проиграл.

Ряд других невыигранных партий Анатолия Евгеньевича, из тех, где он имел совершенно решающий перевес, тоже характеризуется желанием, часто подспудным, бессознательным (но фигуры, положения на доске выявляют их!) что-то попридержать, причем -- в определенном порядке, играть с запасом. В то время как его антагонист, Г.Каспаров, как раз знаменит своим умением вбрасывать в зону наиболее острого конфликта все наличные резервы (в идеале), не считаясь зачастую с потерями, вообще не считаясь ни с чем -- в смысле не утруждая иной раз себя даже элементарным расчетом. Он подводит, кратчайшим, не обязательно самым красивым, путем то, что оказывается под рукой, идет на прорыв (в то время как Карпов -- на "заползание" в не им открытую, но открывшуюся, щель), идет на рубку, рвется в рукопашную. Или -- играет вызывающе, подставляя свои фигуры, не убирая их из-под боя, отдавая -- за нарушение (разрушение) боевых порядков противника. С которым оставшиеся силы расправляются нередко как бы вполне "мясницким" способом. Удачное словечко А.С.Суэтина...

Атаки и контратаки ведутся с применением ложных замахов, финтов. И, главное, == совсем необычных как бы (!) полуфинтов, полужоных угроз (ведь, как сказал знаменитый писатель Леонид Леонов, наилучшие сорта лжи готовятся из полуправды), запугивающих, но не осуществляющихся (и на деле неосуществимых) или на деле безобидными оказавшимися (бы) маневров. Он -- мастер создания мнимых ослаблений своей позиции, компенсированных (а вот чем и как -- над этим он приглашает партнеров подумать; и нередко плоды их раздумий оказываются... короче, раздумья эти оказываются не полностью плодотворными!) уступок. Наиболее опасная его особенность -- умение необычайно и внезапно динаминизировать свои фигуры, придавать им диковатую даже вроде бы энергию, заряжать этой энергией, заставлять "прожигать" вражеские порядки -- и при этом далеко не все из них, фигур, а не порядков, "сгорают"...

Считаю, к такому партнеру готовиться проще.

Хотя такой противник для солидно-позиционно играющего мастера, пожалуй, все-таки опаснее, нежели Карпов. Фишер и понимает, что справиться с Каспаровым, чей трудноопределимый (тоже), трудноформулируемый стиль стоит на фундаменте современной, даже современной и весьма разнообразной -- вот что наиболее труднопреодолимо! -- культуры -- непросто.

Ему, "отстающему" как раз в общекультурном смысле, остается, не теряя ни часа, наверстывать и... попросту ждать... некоего опять-таки "разложения" каспаровского стиля -- как следствия наделанных, довольно многочисленных и даже грубых, жизненных, житейских ошибок.

Позиция чисто сальерианская. Сальерианская.

Скажут, что это -- не совсем этично:

ожидать, пока молодой (все еще!), до сих пор, как известно, мягко выражаясь, не вполне определившийся в собственном (собственно) семейном смысле человек дополнительно -- и может быть, неоднократно "наломает дров", пройдет еще через несколько браков, разводов, через незаконных, полу-- и четвертьзаконных детей, разменяет (оставит) несколько квартир, дач, вилл, особняков, помечется по миру в поисках (разумеется, успешных -- еще бы, с такими деньгами!..) уютных мест и местечек для тренировок (типа Загульбы, местности под Баку, где проходили идеальные его подготовительные дни). Он еще сменит не один, не два и не три раза, состав своей команды -- шахматной и... домашней (исключая, конечно, свою маму). Вокруг него

всегда было, есть и будет, "масса людей". Ему всегда невероятно, фантастически, ужасающе некогда. Он живет в вихре забот, хлопот, дел и, увы, делишек, он до сих пор НЕ ЗНАЕТ, КЕМ СТАТЬ. "Кем быть?" == маяковско-гамлетовский вопрос, да, пока еще не решен и будет решаться, дай Бог здоровья, в чем-то, где-то по большому или не особо крупному счету -- лишь бы решался, лишь бы "шел процесс" -- еще многие, многие годы...

Он становится все менее доступным для сколько-то глубоких размышлений о шахматах, об их сути, в том числе и "чисто" философской, об истинных, а то и мнимых, ложных, кажущихся взаимоотношениях с другими науками, искусствами, да и видами спорта. Об их положении в системе координат, набранных иными жанрами, скажем, человеческой цивилизации.

Конечно, иногда он отключается, но все чаще -- лишь пытается отключиться, для не столько активного, сколько, увы, увы, пассивного отдыха. "Покоя сердце -- не говоря уж о нервной системе, порядочно измотанной, превратившейся отчасти в некое обещающее подобие... веточки, да, да, уже, в таком возрасте, одно единоборство с другим гением, Анатолием Карповым, сколько отняло сил, душевных, физических, сколько унесло -- загодя, в перспективе! -- душевного покоя, да, его, оно, сердце, просит". Допросится ли?..

...Пока они выясняли взаимоотношения в пяти, конечно, поучительных, но, деликатно выражаясь, изматывающих матчах, Фишер оставался "над схваткой", наращивая и тщательнейше, современно (надеюсь) совершенствовал свой, игровой в том числе, инструментарий.

Нашла коса на камень?

Да, так исторически сложилось. Сошлись два выдающихся и в чем-то одиноких (им только и остается по-настоящему тренироваться, что друг с другом, остальные, в том числе и новая, и новейшая шахматная поросль все-таки... ну, не вполне тот уровень; как спарринг-партнеры они не слишком, не однозначно полноценны...) чемпиона. Один -- по одной (теперь) версии, второй -- по другой.

Подготовительная работа "по Карпову", как мы с вами, тоже надеюсь, уважаемые читатели, понимаем, проделана уже довольно давно.

Основная и по, скажем так, нормальному, главному, центральному, генеральному Анатолию. Но ведь в последние годы, едва ли не уже десятилетия (время идет жутчайше быстро! а в шахматах тем более, вот почему так важно, капитально важно, иметь его все, совершенно целиком, в своих собственных руках, и, Боже мой, сколько жертв, в общепринятом смысле ужасных даже, приходится ради этого приносить -- как нечто само собой разумеющееся, иначе уйдет оно, будет растаскано "родными и близкими" (А.О.Ключарев, мой соавтор по повести с таким вот, предложенным им названием, повести о графомане, которому, оказывается, так мешали окружающие, Ближние), будет "раздраено", размельчено, уплывет)... Но ведь в последние годы он, Карпов, не без влияния побоищ, с Каспаровым учиненных, стал несколько другим. Требуется корректировка, и какая! Тем более, что, если здраво посмотреть на дальнейшие возможности эволюции Карпова -- а они все еще и все-таки сохраняются -- еще неизвестно, каким придет Анатолий Евгеньевич к искомому матчу, в некоем не-обозримом, быть может, будущем, -- с Робертом Джеймсом Фишером.

Тут намечаются два варианта.

Первый, естественно, наиболее опасный для нынешнего короля (считающего и, чего там, не без оснований (!), себя до сих пор законным -- раз он не побежден в матче на мировое первенство --

монархом).

Первый. Карпов -- старый, точнее юный, на немедленную коронацию не претендующий партнер ("это не мой цикл", сказал он про самый первый свой претендентский цикл, оказавшийся украшенным такими жемчужинами, как победы над Полугаевским и, особенно, над Спасским). Он играл тогда по-настоящему спокойно, безмятежно, он "художничал" как хотел и выдавал "шедевры", увы, во многом оставшиеся "неведомыми", не вполне разъясненные гроссмейстерами и для гроссмейстеров, тем более -- для широкой публики: до того ли -- в жутком вихре будней, в этой проклятушей так называемой действительности, где надо крутиться, вертеться, шевелиться -- чтобы то ли выживать, то ли "жить как люди"...

Ровный, неамбициозный, гармонизирующий Карпов -- таким он мог тогда, в период длительных переговоров с Фишером, подойти к их матчу; и Фишер был особенно, даже невероятно осторожен, принципиален... И в историческом вашингтонском подписании, вернее, все-таки "неподписании", реагировал чрезвычайно остро на такую "мелочь" (для него-то, как выяснилось вот сейчас, крупнее вопроса по существу и не было, быть не могло!) как название, заглавие мероприятия: "МАТЧ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА СРЕДИ ШАХМАТИСТОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ". Поистине, чтобы заставить Бобби стать -- в наипоследнюю секунду, (вот что удивительно, как это удалось его уговорить, "дотянуть" до таковой?!) неподписантом... -- потребовалось слово-тряпка. Красная -- для быка.

Чтобы довести его до этого, чтобы подвести к такому моменту, в чем-то трагикомическому даже, должны были действовать могучие силы -- прежде всего внутри самого Р.Фишера.

Видимо, велико было желание играть, а степень завершенности, отделанности подготовки была достаточно велика тоже... И все же Фишер не пошел на нарушение такого принципа.

И получилось так, что теперь эту подготовку, ту, давнюю, к тому Карпову, надо реанимировать как один (не более того) из вариантов, отремонтировать, приводить в чувство и в порядок.

В последнее время, в самые последние годы (время, окаянное, мчится сломя голову, буквально хулиганит, "все", как поет популярная певица, "прибавляет ход": "а время, а время все прибавляет ход; а время, а время идет себе, идет!", и чего только оно ни делает с нами, это проклятушее и такое необходимое время, таким единственным и прямолинейным способом, образом, умеющее громадное большинство людей оставить (оставлять) почти ни с чем, тем более отклоняющихся от дела, не осуществляющих свои шансы, не использующих такие, казалось бы, доступные шансы на профессионализацию), в последние месяцы, скажем скромнее, отдалившись от своего исторического соперника, Анатолий Карпов стал становиться другим. Более эпичным и опять же спокойным. Он становится во всех спортивных отношениях, понятно, опаснее. И триумфальный, незабываемый, в сущности рекордный, ЛИНАРЕС был первой ласточкой благотворных и, повторяю, опасных для Фишера, перемен.

Старая, та еще, подготовка!.. Да осталось бы хоть что-то существенное от нее на сегодняшний день... Наверное, изветшала. Надо слишком многое -- никуда не денешься -- пересматривать, модернизировать и еще раз переиначивать. Потому что это -- старо-новый Карпов... в теперешнем, "возвратном" Анатолии разобраться по-деловому, с нужной долей (дозой) конкретности, скорее всего еще труднее, чем в том, подлинном (до-подлинном), прежнем. Ту подготовку надо перетряхивать, перепроверять. Всю.

Невеселое занятие. Но необходимое. Требующее осторожности,

как всегда тщательности, осмотрительности. Потому что, похоже, господин Карпов к шахматной старости (закату) может -- а ведь действительно может, для такого шахматиста, и жутчайшего игрока и величайшего "гармонизатора" (можно без кавычек!) нет почти ничего невозможного, перемениться. В отличие от Фишера, для которого многое в шахматах остается и останется, вероятно, вообще недоступным; но об этом уместнее поговорить в другой раз, в иной рукописи отразить некие контуры этой прискорбной гипотезы. А что делать, Роберт Фишер, по личному моему мнению, и это -- результат четвертьвекового рассмотрения феномена Фишера -- не гений; конечно же, это -- дело потомков и почти исключительно потомков -- такого плана "приговоры", тут не может быть двух мнений. Но кто из нас, слабых людей, обывателей, кто сумеет противостоять искушению все-таки при жизни, при их (!), главное, жизни, радостно раздавать свои (!) оценки "по большому счету", по высокому счету, по высшему счету? Так приятно хоть в чем-то заменять собою... ну чуть ли не вечность, пусть всего только шахматную... Нет, с таким искушением нам бороться невозможно, -- этого прискорбного явления не избежать. Карпов может так перемениться, набрать таких неведомых качеств. Возникающих из (от) сплава игровой и чисто художественно-преобразующей стихий. И не придется ли Фишеру в итоге опасно признать свою неспособность подготовиться к во многом необъясненному (а то и вообще необъяснимому) Карпову, не придется ли обойти его -- до конца дней? И -- сосредоточиться на, казалось бы, более трудном, во всяком случае, трудоемком, деле?

Которое может оказаться бесполезным. В том смысле, что стать ударом по воздуху. Ведь Гарри Кимович, первым назвавший Фишера пенсионером (это о 49-летнем человеке), то есть показавший неполное понимание проблем, осмелюсь заметить, современного профессионализма -- раз, а проблем суперпрофессионализма вообще == два. И к тому же недопустимо недоучитываются тут чудеса, которые способна творить царица тренировок, как я называю ее, -- интеллектуальная подготовка. Пусть и налаженная с большим, и даже очень большим, опозданием. Ведь всем известно, это -- одна из наименее опровержимых (и опровергаемых) во все времена истин: учиться никогда не поздно. Гете как-то заметил, что есть особенное достоинство в одном только усвоении добытого великими, в изучении сделанного открывателями. И тренирующиеся, добавлю, никак не могут пренебрегать обретением подобного достоинства, таким способом повышения собственного самоуважения, в конце концов, подымания своего статуса. Ведь надо как-то еще и расти в собственных глазах -- иначе зачем они, столь трудные и долгие тренировки? В шахматах -- тем более, в этом утонченнейше-умственном виде спорта, в элитарном, если не сказать -- элитарнейшем...

...Ведь Гарри Кимович, обозвавший Фишера, ну, как бы совершенно прошедшим, миновавшим шахматным этапом, шахматным прошлым, -- Г.К.Каспаров может просто высмеять претензии Р.Д.Фишера на своего рода реванш. Он может и заранее уйти из сферы (системы) розыгрыша мирового первенства (скажем, после 2000 года, как не раз намекал, даже обещал (!), нам Гарри).

Конечно, такая опасность есть. Но профессионалу ничего другого не остается. Готовиться, тренироваться, отрабатывать будущие "движения". Готовиться хоть как-то. Хоть к кому-то. К тому или другому партнеру, сопернику, противнику... нет, все же партнеру...

Фишер сейчас на распутье. И, "зная" его, насколько это возможно, рискну предположить, что в своих подготовительных... ну, как бы предпочтениях он склоняется -- нельзя же всюю

заниматься двумя делами! -- в пользу (в сторону) Карпова. Потому хотя бы, что с Каспаровым может... получиться пустой номер. А профессионал все-таки всегда и во всем прежде всего -- рациональный (часто до предела) и практичный человек. Нацеленный на, даже страшно сказать, ужасно помыслить, -- на теоретически невозможное. Профессионал пытается всего-навсего, не удивляйтесь, поднять престиж (значимость) своей (только своей; но -- через нее -- а шахматы, междисциплинарная "вещь", тут как раз подходящи необычайно! == и других, любых, осмелюсь думать, профессий!), наилюбимейшей, единственной профессии.

Дело не в звании чемпиона, не в гонорарах, в конечном счете, не в богатстве материальном и даже духовном... Дело в том, чтобы люди, и современники, и потомки, рассмотрев его, Фишера, личность, его дела в шахматах (где же еще?!), сказали себе (удивились, изумились про себя): да что же это за игра такая == шахматы, раз здесь, в них, среди их служителей есть (находятся, были) такие люди, да, в конце-то концов столь необычно себя ведущие?!.. Надо бы, ну, если не нам персонально и именно нам, то кому-то когда-то, повнимательнее еще раз, еще и еще, и бесконечно, может быть, разбираться, разобраться с этими шахматами!.. Хотя бы доделать (шутка сказать) то, что не сумел, не смог, не успел доделать, довести до полного ума, Михаил Ботвинник, -- создать модель, машину, думающую примерно (!) как шахматный мастер. Ведь он, патриарх, наверное, не зря обещал: это будет открытие (переворот?), равное открытию, приручению человеком... аж самого огня. Вот такие прометеевские закидоны -- со стороны более чем трезвомыслящего... но тоже в чем-то -- по большому или не вполне большому счету -- суперпрофессионала. Кстати, сыгравшего с другим, тогда только становящимся, суперпрофи вничью; Фишер упустил выигрыш, пойдя на "дальнейшие упрощения" -- подходил его король (при ладьях и легких фигурах), защищал черного коня, подкреплял его, после чего, как признает Ботвинник, легко решало наступление превосходящих пешечных сил (черных) на ферзевом фланге. Роберт Фишер не увидел, не различил победную схему, опорную схему, собственного, лучшего, господствующего (на ферзевом фланге) коня, который как бы давил на своего оппонента -- белого слона, приближая белых вообще к несколько всегда как бы позорноватому явлению -- цугцвангу, подталкивая, вместе с ладьей своей и королем, конечно, в этом неприятнейшем (для М.Ботвинника) направлении. Разменяв же легкие фигуры, Р.Фишер семимильными шагами приблизился к всегда потенциально-ничейной зоне, к ладейному эндшпилю, полагая, что его преимущество, в том числе материальное, стало рельефнее. Но король, обиженный тем, что его истинная роль, фундаментальная, осмелюсь заметить, оказалась неразгаданной, стал болтаться на королевском фланге, попал даже в чуточку опасное, бесцельно-беспредметное положение, чуть ли не путался в ногах у собственных пешек, оказался как бы неприкаянным, вынужденным бездельником; одна ладья -- не та, совершенно не та в подобных случаях фигура! -- с двумя проходными пешками (своими) уже не могла представлять для белых серьезной опасности. Суровый урок получил молодой, увя, тогда самоуверенный Фишер, мысленно не раз и не два уже выигравший, выигрывавший эту партию -- у партнера, который никак не хотел сдаваться в явно (казалось бы) проигранном положении. Запоминающийся, во всех (!) деталях, до самой гробовой доски, урок. Являющийся, не сомневаюсь, до сих пор одной из определенно-отправных точек в подготовке Р.Фишера -- в любой подготовке, к кому бы то ни было. Юноша отвлекся от самого процесса исследования позиции -- а только так, в таком процессе, по ходу такого дела побеждает профессионал, только

так, а не иначе! -- стал переживать, пережевывать свою, уже казалось бы (!) лежавшую в кармане победу, едва ли не упиваться ею, словно бы издеваться над стариком-упрямцем, который вроде бы хочет его, восходящую звезду, позлить... и в какой ситуации! имея начисто проигранную позицию! Так додавить его, и поскорее. Поскорее! Вот уж чего никак нельзя было делать. Это противопоказано. Спешка нужна... лишь при ловле... совсем других шансов, нешахматных... И кто заставлял его спешить, дергаться? Да он сам. Не надо было суетиться, надо было наращивать углубление в суть позиции, какой она там результат ни обещала. Вот в чем дело -- не в результате дело, ожидаемом, возможном, каком угодно. Надо было дело делать, "дело надо делать, господа", как говорил Антон Чехов, русский классик, в которого, как знать, вдруг да стал теперь -- в рамках повышения, конечно же, своего общекультурного уровня -- заглядывать Бобби (впрочем, в теперешнем возрасте Фишера столь фамильярно, хотя и железно-традиционно, называть, наверное, совсем уж не стоит).

Надо было, сохранив легкие фигуры, играть дальше. Помня замечательный совет Капабланки: имеешь лишнюю пешку -- не дергайся, просто играй (!), авось удастся выиграть вторую. Глубокое, может быть, глубочайшее, и не только по отношению к эндшпилям определенного типа, замечание. Не надо, оказывается, стремиться к выигрышу (это -- как получится), к ничьей, к какому-то там определенному, тем более лестному для тебя, результату. Не надо рыпаться, рваться: это -- не лабораторное действие, это не тот, не научный, а следовательно и не подходяще-шахматный (раз на одну треть как бы шахматы наука), стиль. Надо вести себя достойно, хотя и с позиции силы: материальный перевес налицо и он, сам факт этот -- давит на противника. Тем более, что имеющий лишнюю пешку не старается, даже не пытается ее именно реализовать, но угрожает как бы (а в шахматах, всем известно, угроза зачастую гораздо сильнее исполнения -- еще один вечный психологический нюанс) выигрышем. И, тем самым, делает не то, что от него непосредственно ожидается; то есть темнит, но -- темнит наиболее (как потом выяснится) естественно, наиболее скромно и, следовательно, -- капитально. Он просто, всего-навсего играет, не думая о своем перевесе, не выказывая его, не демонстрируя; он не давит, повторяю, он всего-навсего, на правах более "богатого", обеспеченного, имеющего пешкой больше, пробует позицию, исследует ее, уже подарившую ему одну пешку, -- а вдруг да она же подарит вторую? Нет, не для выигрыша опять-таки, не для немедленного тем более, но -- как бы, как-то... просто так, почти по инерции. Если от этого здания -- от крепости, от скалы == отвалилась одна часть (пешка), будем потихоньку долбить, примерно в том же духе, в том же направлении. А вдруг да отвалится еще глыбка, еще часть, частица, отпадет другая, вторая пешка, ведь одна отпала, следовательно, там, в этой глыбе, есть, не могут не быть, некие слабости, трещины, что доказало первое отпадение...

Пример с первой и единственной партией между Фишером и Ботвинником -- пример чисто шахматного недостаточного понимания (позиции даже) со стороны более молодого партнера. Пример с их несостоявшимся матчем -- пример неполного понимания (ситуации) со стороны более старшего.

До М.Ботвинника не дошла значительность, "сугубая" принципиальность принципов Фишера, предлагавшего (и тут обстоятельства, как при обсуждении -- в сущности несостоявшемся, ведь Фишер в нем не участвовал -- вопроса о счете 9:9 в безлимитном матче, намечавшемся на 1975-й год,

оказались не полезными для Фишера, он более пожилого партнера внешне загонял в продолжительный матч, вел себя то есть неприлично) играть до шести побед и без ограничения числа партий. Фишер на деле, казалось, тут не может быть других мнений, заранее хотел взять патриарха на измор. То есть, опять-таки, словно бы, решив не играть матч вообще, по-своему, как обычно (!), по-фишеровски, предлагал заведомо неприемлемую вещь. Понятно ставящейся в невыгодные, совершенно неприличные условия стороне, как бы прижимаемой, едва ли не унижаемой. Не виноват же Ботвинник, что к моменту начала исторических переговоров он оказался старше -- и намного, на целых тридцать два года...

Фишер, как видим, и тут вроде бы явно опозорил себя: он требовал очевидных преимуществ -- в то время как должен бы был идти навстречу пожилому человеку, посочувствовать ему, учесть возраст, посодействовать его более успешному и достойному участию в обсуждаемом соревновании.

Но занять такую, такого типа, позицию значило бы отступить от позиции профессионала.

Будущий суперпрофессионал не просто собирался (или не собирался) играть матч с патриархом (да кем бы то ни было). Он продолжал свою линию -- отвечающую, как он полагал, духу развития мировых шахмат -- на внедрение особого типа матчей. Он как бы предлагал любой, самый что ни на есть "товарищеский" (как будто таковые в шахматах бывают) матч считать матчем на высшем уровне. Он, Фишер, во всяком случае давал понять, что может принимать участие только -- и исключительно! -- в таких матчах. Иначе, очень грубо говоря, и марафты не стоило бы (не стоит). Играть -- так уж с полной выкладкой, по полной программе.

Всякого (любого) рода житейские, то есть посторонние соображения, какими (каковыми бы) гуманными или антигуманными они ни были (ни казались), тут просто ни при чем. Не должны приниматься во внимание. Иначе это будут уже не шахматы. Будут, может быть, впрочем, шахматы, но -- не те, не профессиональные, а значит, словно бы игрушечные, уступающие общепринятым, просто-человеческим установлениям и условностям.

Хотя многим, если не решительно всем, казалось, что Фишер будто... издевается над старшим, загоняет, повторяю, его в бесконечный, марафонский матч, хочет измотать, с самого начала (и до конца) поставить в положение изматываемого и на изматывание обреченного. То есть хочет получить, реализовать, использовать максимально имеющееся безусловное, возрастное, преимущество. Между тем он не то что звал (приглашал) М.Ботвинника на подвиг (на казнь?), он хотел побудить его всего-навсего к участию в утверждении приемлемой -- и приличествующей развитию (дальнейшему? да, и дальнейшему развитию, прогрессу, если хотите) мировых шахмат -- формулы большого, тяжелого (в прямом и косвенном, в образном и буквальном смысле -- а что делать?), эпического матча. После такого матча, по формуле Фишера, говорили бы: ну, уж если сам Ботвинник согласился играть на таких условиях, -- молодым совсем не гоже отказываться... как-нибудь выдержат, выдюжат. Фишер обращался к Ботвиннику как к высшему авторитету. Безусловному. Но это не было слышано, различено...

Ботвинник же, не исключено, "обиделся" на Фишера -- за такие, "эксплуататорские", настояния и, не удержавшись, заметил, что матч, будучи проведенным по "поправленной" им, Ботвинником, формуле, матч, возможно, закончившийся (бы) поражением старшего, дал бы младшему определенный ценный опыт.

Конечно, он в этом плане прав. Опыта Фишер набрался бы,

ценного, вероятно, очень ценного, бесценного. Но... но продвижение, становление, осуществление (практическое) формулы Фишера, формулы нужной шахматам, на данном этапе их развития особенно, было бы застопорено, даже скомпрометировано: ну, уж если сам Фишер согласился-таки, если самого Фишера убедили (уломали) отказаться от этой тяжелой, изматывающей борьбы (безлимитной), то значит... значит, таковая действительно вредна, не нужна, еще раз не полезна. Предать свою позицию, изменить ее, изменить ей Фишер и тогда не мог. А Ботвинник не смог проникнуть в суть его "претензий" и амбиций, вернее -- предположил "давилльно"-амбициозный подход со стороны молодого, как бы даже и обиделся -- там, где надо было продолжать вести внимательное рассмотрение проблемы. Думаю, не у меня одного возникли мысли о каком-то (вдруг возможном) письме старшего к младшему -- с покорнейшей (вот что неосуществимо!) просьбой детально объяснить свою позицию, рассказать о причинах, требовавших именно таких условий соревнования (вспоминается Фишер, не согласившийся "для поощрения юного дарования" сделать хотя бы одну ничью в "матче" из нескольких партий со знакомым мальчиком, чем, быть может, и преподал ему, малышу, как раз необходимейший -- в том, конечно, случае, если тот будет когда-либо профессионализироваться, -- урок.)

Фишер бесчинствует, ведет себя грубо, не считаясь ни с чем, непочтительно (!), да вот еще и по отношению к старшим. Таков был всеобщий вывод после отказа Бобби играть с Михаилом Моисеевичем на поправленных, откорректированных патриархом, условиях.

Посмотрим -- через несколько лет, а то и через много лет, дай им всем Бог здоровья, -- что скажет общественное мнение по поводу новых предложений (на этот раз -- инициатив) Роберта Фишера. Когда, допустим, 70-летний "старец" предложит ужасающе-безлимитный матч не вполне молодому, скажем, 50-летнему, человеку. То есть Фишер предложит (он родился в 1943-м, а Гарри -- в 1963-м) играть безлимитный матч до 18-20 выигранных партий, впрочем, при условии: если счет сравняется (16:16 или даже 15:15; фантастика? а вот посмотрим!) звание чемпиона сохраняет тот, кто имел его... изначально. Намекаю на то, что Фишер может предложить, если использовать (продолжать) прежнюю логику (образца 1974-75 гг.), выиграть у него матч на звание чемпиона мира с перевесом в три очка. Вот тут что за шум поднимется!.. Или вовсе не будет никакого шума -- просто усмешки, ухмылки, замечания типа "да это несерьезно", "он (Фишер, конечно, не Каспаров же) совсем из ума выжил".

Ну, а кончится это может своего рода открытым вызовом: Фишер -- напоследок == может предложить любому желающему ("из числа", разумеется, используя припоминаемую формулировку знаменитого, капабланковского Лондонского соглашения, "маэстро, заслуживших признание") сразиться с ним в матче -- за звание опять-таки чемпиона -- на таких вот условиях, мастеру любого возраста, с любым рейтингом (плевал он на эти формальные, формализующие выдумки математиков!).

А почему бы и нет?

Вот тогда, простите, кое-какие гроссмейстеры почешут в затылках. Задумаются. Им будет, не исключено, предложен и некий срок... после которого Фишер уже не согласен будет (возраст есть возраст, нельзя же ждать вечно) вступать ни в какие переговоры о соревнованиях с его участием.

Цель (курс) профессионала -- защита звания. Об этом прямо заявил Фишер на одной из последних своих (1992 года, понятно) югославских пресс-конференций. Вот он и пытается защищаться... На своих, конечно, условиях, на условиях до сих пор (до тех,

далеких, может быть, пор) непобежденного чемпиона.

Но в любом случае, подчеркну еще раз, как деловой человек, Фишер, предвидя отказ Каспарова, может быть облеченный в даже оскорбительную, пренебрежительную форму, все же обязан готовиться к матчу с ним, с ним в первую очередь.

Вот если с ним самим, неровен час, или с Гарри Кимовичем что-то нехорошее случится, если что-то одного или другого (или обоих вместе) выведет из строя, вот тогда уж придется сказать простейшее и окончательное слово: судьба.

А пока, как всегда, Фишер на часах. Он подстерегает Каспарова, он старается быть по возможности готовым к Бог весть какому длинному матчу.

Который может просто надоест партнеру -- в том случае, если тот (а вдруг) согласится соревнование начать. Каспаров -- не Карпов. Он может сдать матч, ведя в счете -- еще одна опасность для Фишера. И к ней тоже надо быть готовым.

Шахматы вдруг да "обрыднут" окончательно. Каспаров может почувствовать не то что некую усталость, бо'льшую или меньшую, чем Фишер, но невозможность играть вот в эту игру. И с кем -- с человеком, играющим столь правильно, столь непрестанно выдержанно, столь, значит... скучно. Затея Фишера может быть опробована, вернее -- попробована и отодвинута, заброшена, отклонена, отринута после какого-то -- якобы доказывающего ее бесполезность, бессмысленность, никчемность -- начала.

И вот тогда встанет "болельщицкий" вопрос: кого считать победителем? И будет ли здесь фактический, цифровой победитель. Наверное, будет, если Каспаров соскочит с поезда в благоприятный момент, не позволив себя догнать. Но и Фишер, наверное, будет прав -- по-своему (вспомнится поведение Г.Каспарова в феврале 1985-го, после закрытия первого матча), может быть... предлагая новый матч, "через какое-то время", разумеется, на тех же условиях. Своего рода матч-реванш, быть может, матч-реванш уже XXI-го века.

Так или иначе, Фишер попытается -- и уже пробует, считаю, небезуспешно (он так, конечно, не считает, иначе вызов последовал бы незамедлительно, допустим, сразу по окончании матча Г.Каспаров -- В.Ананд, нью-Йоркского матча 1995 года) == "задавить" главного, в какой-то мере легитимного конкурента (Каспаров выиграл у Карпова, назначенного в апреле 1975 года чемпионом мира, но все-таки выиграл, победа она и над "назначенцем" победа).

В умах, воображении, в чаяниях болельщиков, поклонников, а то и знатоков, рано или поздно может произойти сопоставление подготовок. Шире, понятно, -- образов жизни. Они, поклонники и непоклонники, в какой-то мере уже "подвоспитанные" Фишером, уверенным проведением в жизнь его линии, не могут не сравнивать, не прикидывать, пусть очень приблизительно, умо-зрительно... И получается, что детский вопрос (кто кого соборет -- кит или слон?) не столь уж бессмысленен. Оба живы-здоровы и будут здоровы-живы, если обстоятельства позволят, если, как сейчас принято выражаться, Бог пошлет (Бог даст), они физически еще могут "пересечься"... И вот по мере дальнейшей разъяснительной работы -- а ее Фишер своим (!) поведением совершает и в умах "фишеристов" и "антифишеристов" == становятся все отчетливее выводы, как мне кажется, не в пользу Каспарова складывающиеся. Образующиеся, наслаивающиеся -- с каждым годом все отчетливее, все нагляднее. Рельефнее.

Задача Г.Каспарова -- выполнение которой в упомянутом плане, естественно, мало что изменит, и еще, мне думается, меньше может изменить -- как-то косвенно, не слишком заметно, чуточку заранее дискредитировать Фишера. Представить его

фигурой, ну, разумеется, принадлежащей далекому, про-прошлому, истуканом, мимо которого, как говорится, давно проехали. Музейным экспонатом, который вдруг да вздумает (вздумал) само-реанимироваться. Потеха, дескать, да и только.

А ты попробуй, сядь с ним за доску. Докажи, разнеси его, разгроми, размажь по стенке! Что, боишься, не уверен? Опасаешься, что не получится, если будешь играть как бы обязанным не просто выиграть, а с разгромным счетом?

Нет, дескать, не боюсь, но -- не хочу мараться.

Дворовый разговорчик? Не совсем. О.Бендер, помнится, тоже ни за что -- "из принципа" -- не желал показывать свой билет на занятое им место (в плацкартном вагоне). Билет, которого у великого комбинатора "просто" не было (как будто может не быть "сложно"...).

Нет, ясное дело, не хочу сказать, что у Каспарова к моменту вызова не будут уже в наличии какие бы то ни было шансы на победу. Они будут, и немалые == взвешенные Фишером -- иначе все это напоминало бы охоту за... чучелами, специально поставленными (вот уж поистине "под-ставленными") заботливыми егерями-подхалимами в конце просеки, на отлично освещенном месте (да еще к тому же не менее хорошо пристреляном).

Однако, с точки зрения суперпрофессионала, наблюдающего за шахматным процессом и все же пытающимся его корректировать, контролировать, они, шансы, могут и как будто должны быть, угнетающе небольшими, отстающими.

Каспаров должен быть наказан -- за то, в чем он сам лично-персонально не особенно виноват (другое дело, что он не "покаялся", не сложил с себя звание == раз оно получено в результате победы над человеком, в свою (!) очередь не завоевавшим место на троне). За то, что называю ОТСЛОЕНИЕМ от шахмат. Начиная с детства, может быть, раннего, его специально учили, наставляли, специфически воспитывали (наподобие сестер Полгар -- вот, кстати, почему так и не сыграл и не сыграет, вероятно, ни с одной из них), обучали хорошо играть в шахматы. К которым он был при-ставлен, прислонен, в которые он был введен, к которым он был приучен. Они, как это ни странно, как ни дико, -- не его, ну, не вполне его, игра. И он, подобно Моцарту... я сказал "должен быть наказан"... нет, скорее == должен быть убран из шахмат, должен быть -- с помощью, разумеется, спортивной процедуры -- от них отодвинут.

Главный матч, к которому непрерывно и конкретно, предельно целенаправленно готовится Фишер, независимо от того, состоится ли он -- сам по себе == знаменателен. Тот уровень, качество игры, который Р.Фишер покажет в, условно говоря, старости (в 65 -- 70 -- 75 лет) рано или поздно каким-то числом шахматистов, ценителей, любителей, знатоков шахмат, будет, еще раз повторяю, сопоставлен с тем, что покажет (если вообще покажет) Г.Каспаров -- примерно в том же возрасте или несколько раньше (в 55 -- 60 лет). И будут сделаны достаточно напрашивающиеся выводы; надеюсь, а скорее -- просто предполагаю...

После Каспарова, как и после Моцарта, останутся, уже остались, они созданы и общеизвестны, замечательные произведения, партии, наполненные (и исполненные) яркими, оригинальными, глубокими замыслами, яркими, неповторимыми. Но сам он должен быть -- по мнению сальериански-надзирающего Фишера -- как бы развенчан, как все-таки неподходящий, говоря попросту, пример для подражания. Не более и не менее... Он подает -- и являет собою -- заманчивый, прекрасный, благополучный (внешне куда более благополучный, благо-надежный, нежели в "случае Фишера", чуть ли не более последовательный, в борьбе за первенство мира, в частности) пример. И все же, с

точки зрения суперпрофессионала, пекущегося о поднятии престижа шахмат в самом широком смысле слова, -- это пример НЕ ТОТ. Подражать Каспарову, не в смысле того, как он вел себя в детстве (его приучали -- он и приучался к действительно небезынтересной, вроде бы его именно, игре, он сжился с нею, достиг в ней всего, чего только можно достигнуть, да еще с первой попытки, триумфально, впрочем, все же не с одной, а как бы с полутора попыток (матч 1984-85 гг. не был выигран)), а в том смысле, что он -- наученный чемпион (а не научившийся, не сделавший себя сам), наверное, считает Фишер, не стоит. Это -- прекрасный по яркости, выразительности пример, но -- не самый лучший. Не образцовый.

И Сальери, и Фишер как бы хотели (хотят) подмочить репутации своих "оппонентов" -- и предметов своего восхищения, не сомневаюсь, -- репутации, как ни странно, как ни удивительно как раз человеческие и... профессиональные. Правы ли они, однако?

Ну, как казалось бы можно хоть на секунду сомневаться в профессионализме самого Вольфганга-Амадея, имея на руках ТАКИЕ его произведения?!

Но, оказывается, высота конкретных достижений еще... ничего не значит или мало что значит -- по сравнению с... силой, качеством примера, личного, тоже конкретно-персонального. "Наследника нам не оставит он". Может, и не оставит; а если вдруг оставит, то, несомненно, это будет не тот наследник.

Моцарту нельзя подражать. Это слишком уж ненадежно. Такие, как Моцарт, не сделавшие себя сами -- плод слишком уж многочисленного, феерически-редкостного стечения наиболее благоприятнейших обстоятельств. Такие люди могут и других, своих... ну, последователей, невольных подражателей, приучать словно бы надеяться на авось, на взрывы, внезапные приливы вдохновения, да еще регулярного, на творчество высокого уровня, высочайшего, божественного даже, но все-таки... как бы автоматическое, творчество по наитию, на действие разливаемого моря интуитивности, заботливо воспитанной, правильнейше подготовленной, выпестованной, конечно, вместе с подопечным, но -- опекунами, педагогами, воспитателями, наставниками... натаскивателями.

Казалось бы, ну, не все ли равно?! Пусть будет музыка, написанная с применением приемов, форм работ Сальери, пусть будет написанная "по Моцарту", пусть будет больше музыки, хорошей и разной, и -- поставим на этом давно напрашивающуюся точку.

На этом может успокоиться кто угодно, только не профессионал, в пятый раз повторяю, человек -- тщательнейше, ответственнейше озабоченный подъемом репутации, престижа СВОЕГО ДЕЛА.

Г.Каспаров как лицо поистине трагическое, как герой трагедии почти античной, виновен без вины. Он сам тут ни при чем: он не знал, не осознавал, что и почему с ним делают, при-влекая его к шахматам, приучая его к той области, которую он не выбирал и, что не менее существенно, она сама (!) не выбрала именно его.

Такое отслоение не могло не сказаться. И это своего рода незакономерность == такое восхождение к вершине. Вот если бы Карпов согласился на все условия Фишера -- в 1975-м году, -- наверное, матч (из скольких же? 100, 200, 300 партий?) был бы им, вероятно, проигран. Ведь стало ясно, что выигрывая длительное состязание -- первый, претендентский, матч с В.Корчным, 1974 года, второй матч, с ним же, уже на первенство

мира, 1978 года, матч 1984-85 гг. с Каспаровым, Карпов, ведя в счете, повторяю, разоружается, вроде бы начинает почивать на не до самого конца завоеванных лаврах. Его предельно деловая, конкретная натура дает отбой... Ну, дескать, подумаешь, остался самый пустяк, этот пустяковый (но, как оказывается, не пустяшный) успех, "успешек", придет сам собою, по щучьему велению, по моему хотению, явится, никуда не денется, тем более, что я заслужил его, тяжким трудом, длительной работой, -- примерно так он рассуждает (на уровне подсознания). Бороться, рисковать, чтобы доделать почти совершенно сделанное дело -- на это, видимо, способен лишь особо преданный этому делу человек, крайне, если хотите, фанатично преданный, то есть нормальный профессионал. Добивать партнера Карпов не умеет, тем более -- в обозначенной трудно-типовой для него ситуации. Не может и свежо продолжать исследовательский процесс, играть на равных, подстерегая партнера...

Следующий претендент, совсем молодой Каспаров, тем более споткнулся бы на более чем опытном Фишере...

Но условия отклонены, вернее -- не все приняты, пришлось отказаться от звания, уйти "в подполье", лечь на грунт.

Встает детский вопрос, нелепый для тех, кто специально занимался Фишером: а почему тогда, в 1974-м году, в 1975-м он сам, лично, не начал дискуссию, не попытался убедить оппонентов, ну, хоть членов конгресса (конгрессов) ФИДЕ, в своей правоте, ни с кем ни устно (публично), ни печатно не поспорил?

Ответ примитивен до элементарности: да потому (хотя бы), что это было непреодолимо-противное занятие. Которое, Фишер уверен, и с ним тут невозможно спорить, выставило бы его перед лицом всего мира, в первую очередь шахматного, в, очень мягко выражаясь, неприемлемом, нелепом виде.

Просит фору, и какую! Да еще доказывает, что черное -- это белое, а уж затем, что белое -- это черное. Что счет 10:8... смешно сказать, минимальный счет, что $10-8=1$. Невдомек слишком многим людям, что профессионал, прожженнейший, так много, многократно обдумывавший шахматы, думал при этом не о сохранении или утрате своего звания, а об утверждении новой, спокойной (так назвал бы ее), более комфортабельной формулы соревнования на высшем уровне, формулы, снижающей азартизацию шахмат, снижающей роль случайностей, в первую очередь нелепых, "необъяснимых", то есть как раз весьма объяснимых особой важностью, нервирующей "переломностью" решающих и ультрарешающих партий. Что дискуссия-партия начнет в условиях крайнего ожесточения напоминать перекрикивание-переорование, так скажем, некую свалку "мнений", тезисов, где все средства хороши, лишь бы они были или... не слишком (не чересчур заметно -- и до такого может дойти, чего только ни случается в суматохе, при таком ажиотаже!) заметно-незаконные или не чересчур нешахматные (уже). Додумался же Виктор Львович до обращения в суд (международный?) -- на своего партнера он подал иск -- после того, как в отложенной позиции (последней партии матча-78 в Багио) не ему была "присуждена" победа? То есть претендент даже потерял лицо, убедившись, что Карпов выше по таланту; и потому для него, Корчного, непреодолим, непроходим. Вместо того, чтобы статусизироваться в роли второго игрока мира, вице-чемпиона как такового, он дошел до Мерано. Результат известен -- 2:6, не считая ничьих, самый легкий матч Карпова; и дополнительные -- не зарвался ли окончательно? -- обвинения в адрес победителя, как бы презрительный отказ от дальнейших попыток, ввиду того, что к нему применялись непозволительные приемы и методы.

Вот до чего доводят шахматы -- как и почти любая игра -- когда она идет "ва-банк", когда на кону в один-единственный момент оказывается... слишком много чего-то...

Однако понять (воспринять) эту позицию профессионала не так-то просто. Фишер хотел бы помочь -- на примере своей борьбы с Карповым и Каспаровым в первую очередь (на его "беду", на наше счастье оба оказались гениями) -- нынешним и будущим коллегам; как бы пробудить в них внимание к проблемам профессионализации, да не только шахматиста, но -- любого человека умственного труда.

Нужна некая гигиена, свод правил, учет закономерностей. Умение в общем виде, с высоты птичьего полета, увидеть положение в своей области, накопившиеся неувязки. несоответствия. Необходимо... много чего необходимо. Железное спокойствие, объективность, здравый подход.

В повести Гоголя показано, как действительность, используя, казалось бы, неотразимую "отмычку", крючок -- ну что можно возразить против желания ежедневно по дороге на службу защищаться от лютого холода (ведь санкт-петербургский и другой климат не переменишь)? -- зацепила, достала-таки Акакия Акакиевича. Не сумевшего -- он к этому не привык -- осмыслить, обдумать, прояснить свою реальную ситуацию, выделить в ней (в нем, в своем положении) главное, отделить от второстепенного и наметить необходимые и достаточные (как в математике) меры. Башмачкин увлекся. И, что самое обидное, неувлечение, то есть, если бы он действовал по минимуму (но уже не оперируя заплатками: капот ремонтировать далее невозможно, что и доказал ему другой профессионал -- портной Петрович), неувлекающийся способ (образ) действий был ему более удобен, более доступен, менее связан с сильными, отвлекающими от Дела, переживаниями. Немного размышлений и... допустим -- это что-то вроде нового сюжета, новой "Шинели" == капот мог бы быть использован в качестве покрова внешней стороны, так сказать формы -- в самом примитивном, вот уж поистине поверхностном смысле этого слова. Шьется с использованием самой дешевой ваты и среднего по качеству и цене материала (чего-то вроде шелка, но не шелка, а сатина, например; как там, у классика: "На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который по словам Петровича, был еще лучше шелку (!) и даже на вид (а вот это уже и ни к чему, это -- показуха, самопоказуха, что ли, -- Л.Б.) казистей и глянцевицей"; в крайнем случае пошел бы и этот коленкор) -- шьется некая псевдошинель. Теплая прозодежда с обличьем "капота". Основная ошибка произошла с внешностью: "Купили сукна, очень хорошего (разрядка моя, -- Л.Б.) -- и не мудрено, потому что об этом думали" (! -- не об этом как раз надо было думать, а о том, как бы сделать внешность новой вещи поскромнее, в пределе превратить ее, новую внешность, в старую, насадить капот на новую шинель или сделать искусственные -- декоративные -- лохмотья, ОТПУГИВАЮЩИЕ возможных грабителей и лишаящие коллег поводов для приглашений на разного рода вечера (вечеринки) -- по поводу обретения новой шинели, -- Л.Б.)...

"Куницы не купили (и слава Богу, -- Л.Б.), потому что была точно дорога, а вместо ее выбрали кошку, лучшую (!!), какая только нашлась в лавке, кошку, которую ИЗДАЛИ (находка для "раздевателей"; -- да ведь такая шинель, крытая лучшим сукном, да с таким, как бы сверх-кошачьим, как бы куничьим, воротником прямо сама просится, прыгает в руки бандитов, -- Л.Б.) можно было ВСЕГДА (то есть, надо понимать, при любой погоде, при любом освещении? или я не прав? -- Л.Б.) принять за куницу".

"И я там (на пиру) был, мед-пиво пил, по усам текло -- в рот не попало" == слова', каждому знакомые с детства. К

проблемам профессионализма, более того == профессиональной, весьма своеобразной -- и суровой, смею заверить -- этики они имеют прямое отношение.

Гарри Кимовичу надо бы (но что общего у нашего героя, казалось бы, может быть с жалчайшим героем Гоголя?! а вот поди ж ты, приходится сравнивать, даже проводить какие-то параллели, вряд ли кому они покажутся ненадуманными, правомерными, но -- приходится) быть, проще всего говоря, поскромнее. Раз уж звание высшее, официально утвержденное -- хотя ведь профессионалы не в звания играют, это совершенно очевидно, они играют в шахматы, играют на повышение престижа своей игры и ни на что более! -- доставшееся ему "от" человека, назначенного чемпионом, а сил отказаться от не совсем качественного звания нет, надо бы... быть поскромнее. Иначе может случиться нечто похожее на то, что произошло с господином Башмачкиным. Кстати, никто его, кажется, во всяком случае в исследованиях, посвященных творчеству Н.В.Гоголя, не назвал господином -- только по имени-отчеству или по фамилии, и это, понятно, вовсе не случайно.

Что же может произойти? Два варианта.

Первый: 50-летний (конечно же, говоря условно) Каспаров проигрывает матч 70-летнему Фишеру. С минимальным счетом. Или даже сводит матч вничью, а Фишер, согласно заранее достигнутой договоренности, старец-Фишер, сохраняет звание. То есть он его в... очередной раз защитил, его план выполнен; а как сказал Сомерсет Моэм, кажется, цитирую его достаточно точно, -- главное в каждом (любом) плане это чтобы он был выполнен; заметьте -- речь не идет о поверхностности или глубине (глубокости) плана, о его верности или неточности, о реалистичности или фантастичности; профессионалу важен общеубедительный факт, итог: чтобы он был выполнен, воплощен в жизнь -- иначе о чем же говорить, иначе нечего предъявить, даже Другим, тем, кому, включая и "подходящих" людей, и не очень, всем тем, кого профи хотел бы хоть сколько-то убедить (!) неотразимыми, ну, самыми убойными -- из всех возможных -- для них, Других, фактами, то есть чем-то безусловно состоявшимся. Ну, вот, допустим, не дай Бог, конечно, Фишер завтра умрет. И что же узнает о нем наираспоследнейший Акакий Акакиевич, сверх-Башмачкин современности? Из летучего, теле-несколькосекундного некролога, в таких иной раз, пусть раз в год, попадают и одна-две (сорвались с языка диктора?) сравнительно содержательные фразы. Тогда он узна'ет, что Роберт Джеймс Фишер, 1943 года рождения, проживал в гостинице, бывал у местного жителя

-- гроссмейстера А.Лилиентала. На счету экс-чемпиона в таком-то банке было около, допустим, 4-х миллионов долларов.

То есть покойный мог купить себе в Венгрии или почти любой другой стране дом, два, три дома, поместье, виллу, нужное число уютных квартир. Но он остался один, снимал, видите ли, номер, был постояльцем, временным жильцом, так что в случае чего и музей негде организовывать.

Так что же это за игра шахматы -- раз у них есть еще и такие вот служители, == может быть, подумает один из миллионов и миллионов людей, не умеющих отличить лошадь от турки, тем более офицера от королевы.

Так что же это за игра?! Непростая какая-то, видно, особо привлекательная для кого-то, на кого-то еще и вот так действующая. А если этот "неотличающий" знает еще, что Р.Фишер 20 лет вообще не играл (с 1972 по 1992-й), не показывался на людях, не жил обычной жизнью гроссмейстера. Тогда удивление, а может и очень слабое желание (пускай секундное) что-то понять -- в шахматах, в Фишере, на какую-то долю мгновения задержать

внимание на этой игре -- тогда, не исключено, нечто такое может возникнуть.

А Фишеру, суперпрофи, ничего другого и не надо. Для таких, да и Других, -- этого достаточно. Пусть тень престижа будет поднята на микрон-другой -- дело сделано.

Ради этого работает ежедневно Фишер.

Ради этого сможет взять в "обработку" Анатолия Карпова или Гарри Каспарова. Или их обоих -- одного за другим. Или кого-то из молодых. Либо кого-то еще моложе.

Но остальное в любом случае к шахматам, к призванию и его реализации (ежечасной) не допускается.

Сурово спрашивать с себя,
С других -- не столь сурово.

(А.Т.Твардовский).

Это -- тоже из заветов профессионализма.

Из остального же -- "Жена -- злейший враг профессионала" (сказано, написано Рудольфом Загайновым, одним из крупнейших, что бы там ни говорили, спортивных психологов).

Тут все настолько ясно; отвращение, переходящее в омерзение, к быту во многих и многих его проявлениях так велико, что... просто говорить не о чем.

"Жениться? -- как-то заметил Фишер -- Но ведь это столь же опасно, как в одном из вариантов сицилианки побить ферзем на b2".

Истрепанные, в том числе -- если не главным образом -- никчемными (или скорее, может быть, ничемушными, необязательными, скромно выражаясь, излишними -- сразу в нескольких смыслах слова) браками, извешенные нервы будущих партнеров -- это плюс на стороне "одинокого" Фишера, несомненный "лишний" его шанс на победу.

Обоим гениям пора, а может, и давно пора, начать "раскисать", раскиселиваться, расхристываться и даже заканчиваться -- в тренировочном плане.

Так что встанет вопрос -- с кого начать.

Быт того, кто мог бы быть профессионалом, но не стал, вероятно, рано или поздно становится (подсознательно-субъективно) клоакообразным. От обыденной жизни тошнит, ну, подташнивает. А спасательный (спасительный) воздушный шар улетает все дальше. Скрывается за горизонтом.

Мог, да не стал. Не сделал-ся, не сделал себя. Так, какие-то моменты-элементы вроде бы профессионализма присутствуют, хотя окружающие и специалисты никем другим, только профи и считают. А как же?! Столько завоевано -- призов, медалей, кубков, лавровых венков! Столько побед -- позади. И еще сколько, не больше ли? все еще -- впереди!

Не будь Фишера, не будь такой точки отсчета, точки от-счета, так бы и считались, навсегда, настоящими профессионалами. А они и есть выдающиеся мастера своего дела, гениальные шахматисты, что общепризнано, при жизни -- куда уж дальше ехать... "Но все же, все же, все же..." (тот же А.Твардовский).

Флобер работал по 12-14, а то и 16 часов -- и с каким напряжением, подыскивая, бракуя тысячи, десятки тысяч очередных слов, которые должны лечь на сугубо черновую страницу очередного романа (а у него все романы -- избранные, все избранное -- шедевры, как известно). И как только выдерживал?!

А так и справлялся, ибо, по свидетельству Э.Гонкура, писал, "поминутно отвлекаясь"... На что же?! Да на чтение своей (образцовой) прозы других авторов: заранее подобранные книги их лежали на столе, вернее -- не сходили со стола, с закладками и

без.

Он подпитывался замечательными стилистами постоянно, он учился неустанно, учеба и свой писательский процесс, собственный, как бы объединялись, сливались, взаимопроникали, братались друг с другом. Совсем как у Фишера, старающегося во многих и многих отношениях сблизить тренировочный и соревновательный процессы. Напряженная игра "с самим собою" заменяет и самих спарринг-партнеров, тренеров-советчиков, а то и руководства по дебютам-миттельшпилю-эндшпилю. Далеко не каждый способен часами, днями, неделями, месяцами, годами смотреть на доску то с одной, то с другой стороны, меняя стороны с каждым ходом. Играть против самого себя, теряя представление (да и зачем оно?) о том, где же твоя истинная, исконная, законная, выбранная тобою лично твоя сторона. Можно ли таким, незамысловатым с виду, и "акробатическим" по существу, образом развивать, культивировать объективность, позиционное чутье, безошибочность расчета?

Такого рода занятия, умело "отрежиссированные", такое самовыпестование делают не строго обязательными и публикации своих комментариев, примечаний, анализов.

Раз за пределами кабинета ничего не происходит, раз шахматист "молчит", не выступает, он невольно подозревается в безделье, в бездействии -- потому что такой процесс себе представить трудно; он все-таки кажется бесцельным, каким-то искусственным, по сути несерьезным и невозможным. Подозреваются опять же болезни, болезненные состояния (как минимум), психические отклонения и т.п. Загонять Фишера в психушку, хотя бы мысленно, но не без смака -- одно из любимых занятий самых нормальных и здравомыслящих людей, если только они удостоивают вообще внимания подобного... ну, самое ласковое слово тут -- чудак, чудика, странного "уклоненца", отшельника и т.п.

Между тем поток новой, свежей шахматной информации, и не всегда пустой, нарастает. Это -- лавина, река, водопад. Приходится как-то в нем разбираться, за чем-то поспевать, что-то пропускать, действовать строго-выборочно-персонифицированно. Приглядываясь к "новым именам", мысленно "ставя" то на одного, то на другого-третьего.

И -- непрестанно, вновь и вновь осваивая, переосваивая, переосмысливая столпов, основоположников, классиков.

Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны)
Не бросил ли я все (!), что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?

Хотят они, молодые, очередные, наступающие на теперешний трон (троны), хотят того или нет, но это действует. А вдруг да Фишер интересуется, а то и изучает. Ведь тексты каких только новых партий ни ложатся на его стол! Так что не мешает... подтянуться, как-то в большей мере соответствовать.

В шахматном "искусстве безграничном" Фишер отбирает прежде всего вещи, способствующие -- творческий? нет, скорее спортивный всего лишь эгоизм -- его личному успеху. Он представляет, как сам играл бы, учитывая те промахи, неточности, за которые были наказаны авторы партий и, в особенности, -- те, что прошли мимо внимания недостаточно пристальных победителей.

Психологически прослеживается, по мере возможности, происхождение каждой, сколько-то ощутимой ошибки. В необъятной памяти Фишера откладываются, а затем шлифуются (ко многим он возвращается спустя годы, месяцы, недели) еще не виданные, не виденные приемы, маневры, которые для него становятся типовыми == после тщательного освоения, впитывания.

Это -- поистине многосторонне действенная (и неодносторонне действующая) подготовка. Позволяющая по-деловому портретировать всех более или менее вероятных кандидатов в претенденты. Обладание же "изображением", сперва силуэтным, затем все более наполняющимся, потом уже блещущим красками, необычайно повышает уважение к любому партнеру, уверенность в общении с ним, пусть мысленном.

Играя с собой самим -- если посмотреть со стороны, процесс вроде бы претендующий на бессмысленность: самого себя ведь не переиграешь, мысли свои от самого себя не скроешь, перехитрить себя невозможно... да и зачем?! -- Фишер играет не только с Фишером, разве что -- с собой... воображаемым, помоложе, не столь опытным... Его, умозрительно опять-таки составленные, противники (хорошо продуманные, на основании сотен "усвоенных" партий, фотороботы) пытаются действовать против Фишера-I в собственном, пусть "составленном", определенном (им) стиле. Это те "лица", быть может, не без манекенных черт, которые подобраны, составлены в тренировочных, спарринговых целях. Фишер окружен "призраками", порожденными его собственной работой, обильно подкармливаемым == свежими материалами -- воображением.

Это -- те каркасы, на которые будет срочно наращиваться "мясо", во-первых, по мере поступления очередных, пусть самых незначительных, сведений (преобразованных в своего рода реалии, показатели стиля, манер игровых), во-вторых, в начале, в первой половине предполагаемого поединка, скажем, до первого или второго из заранее согласованных (какие они там будут, могут быть == месячные, двухмесячные?) перерывов. Матч-то длинный, есть время сжиться, почувствовать партнера, увидеть, откорректировать свои, даже и чисто портретные, промахи, неточности, проколы...

Такого рода "разговор" с возможными будущими "собеседниками" за доской, с одной стороны, смущает, конечно, волнует, с другой стороны, как-то побуждает в целом более ответственно относиться к тому, что делаешь (и делается) в шахматах.

Играть, зная, что твое творчество, даже и искусство (если случится), будет препарировано "самим" Фишером, конечно, в определенной мере нелегко, для кого-то -- с момента осознания этого -- и непривычно. Хотя можно попытаться убедить себя: Р.Д.Фишер -- прошлое шахмат, далекое, он уже не воскреснет "для жизни новой", а "эпизод" с Б.Спасским -- так, коммерческий матч, пенсионерские взаимные забавы. (Между тем даже весьма и весьма любительский анализ партий заставляет сделать вывод о нешуточной, плотной, временами ожесточенной борьбе == во вполне неувыдаемо-"современном" стиле -- в том числе...).

Ремесло

Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху.

(А.С.Пушкин)

Процесс этот бесконечен -- потому что он

истинно-фишеровский. Поняв и признав == моцарто-сальериевские коллизии тут имеют место как... во многом воображаемые, хотя "моцартообразные" шахматисты, "убранные", "убитые" Фишером у всех нас, любителей, до сих пор на памяти -- свою негениальность в общепринятом смысле, Фишер тем усерднее, тем дотошнее налегает на безупречность, чистоту технического исполнения.

Мне непременно хотелось бы отметить внимание, уделяемое -- как ни удивительно, до сих пор -- изучению особенностей самых разных, искаженных, "ненормальных" (сдвоенности во всех видах!) пешечных структур. И -- подрывным мерам, подчеркивающим легкомысленность обращения с пешечными схемами (системами!) со стороны самых позиционно-строгих (вроде бы) коллег. Сдержанность Фишера -- в обращении с собственным пешечным материалом, "подсушивание" своих пешечных конфигураций -- да и прямые упрощения -- по-видимому, нарастают...

Межпешечные взаимодействия требуют особо спокойного, внимательного углубления в, с позволения сказать, душевный мир рядовых бойцов, понимания их, казалось бы, незамысловатых чаяний. Подавляющее большинство гроссмейстеров "новой волны" -- типичные "фигуристы", нередко недооценивающие переживания и потенциальную энергию (энергичность) мастеров штыкового удара, переоценивающие маневры, направленные на резкое, взрывное повышение (придание) энергии легким, как я заметил, особенно дальнобойным, фигурам. Каспаров здесь -- счастливое исключение: он не делает обедняющих различий или делает их крайне редко, в ситуациях уж совсем "конъюнктурных", вынуждающих...

Представляется, Фишер лишь в поздние годы своего творчества разгадал (обратил внимание, вскрыл) "душевные претензии", душевный разлад (можно в кавычках, можно -- без), поражающие пешки недоиспользованные, "застоявшиеся", не попавшие в самый водоворот (вихрь) центральных событий. Гордая, "самолюбивая" природа вечно-вперед-стремящихся пехотинцев (иногда удивительно-парадоксальным образом предпочитающих быть угрожающими резервистами) продолжает им осваиваться на чужих и новейших партиях. Отдельная тема -- "месть" со стороны незаслуженно, незаконно обойденных вниманием, выключенных из игры и потому становящихся, впрочем, как и фигуры (чаще всего -- "угловые", то есть ладьи), добычей, как минимум, объектами слишком легкого, но почти всегда весьма логичного нападения, "месть" еще и в виде "исчезновений" из поля зрения собирателей сил, чаще всего -- совсем разбитых...

После второго матча со Спасским катализирующее воздействие личности Фишера, его присутствия в мировом шахматном процессе (ранее оно было, что ни говорите, во многом как бы гадательным, иаловероятно-предполагаемым) возросло значительно.

Теперь многие вещи прямо-таки приходится рассматривать учитывая будущие, матчевые, понятно, не турнирные же, выступления американского гроссмейстера.

Каждая новая и сверх-новая молодая звезда, даже -- звездочка, бессознательно "прикидывается" специалистами, примеривается на роль объекта особенного фишеровского внимания. И, думаю, это в какой-то мере снижает "резвость" иных дарований, скачущих с турнира на турнир, становящихся завсегдаемыми сборных опенов, швейцарок, массы мелко-эфемерных мероприятий.

Да и все сколько-то значимые поступки главных действующих, увы, пока не взаимодействующих непосредственно с Фишером, лиц оцениваются более пристально и, решусь сказать, пристрастно (и поделом!) с каждым годом...

Исподволь осознается, что время, в обыкновенном смысле

столь "невыгодное" для Фишера, начинает работать как бы и на него. Потому что оно впряжено в его прямолинейно-неотразимую схему "запоздалого" воздействия, потому что его, само время, заставили так поступать, точнее -- таким обернуться.

Оно пройдет -- еще и еще. Останутся часы Фишера, они и он сам неизбежно окажутся в прошлом, останутся на горизонте видения, но вряд ли исчезнут, пока существуют шахматы.

Хотя бы потому, что Фишер прожил весьма свою жизнь, а его время в ряде смыслов этого словосочетания, принадлежало исключительно ему самому.

Для многих это -- пустые слова. В своей книге "О природе таланта. О мальчике, который умел летать" В.Клименко и И.Акимов замечают, как бы прося извинения у читателей, что все-таки 90 процентов людей -- рабы. Не согласен. Более 99%. Не зря Г.Флобер в конце жизни писал: из всех живых существ, с которыми общаюсь, звания (названия) человека заслуживает только одно. Это -- вы. Написано (цитата -- по памяти -- из письма) Ивану Тургеневу.

Ну, а если бы не получилось, если бы вдруг да был сломлен, подмят, попал бы, допустим, в колею семейства (см. лучшее сочинение Ж.-П.Сартра "Идиот в семье" == 3-х-томник о том же Флобере)?

Вспоминается Камю. Открываем 334-ю страницу его недавно изданной книги "Бунтующий человек" (Москва, издательство политической литературы, 1990):

"Убивая в человеке художника, которым тот мог бы стать, она всякий раз понемногу истощает собственные силы. Если в конце концов завоеватели и подомнут мир под свой закон, тем самым будет доказано не торжество количества, а то, что мир есть ад. Но даже в этом аду место искусства не будет пусто: его займет побежденный бунт, проблеск слепой надежды в черед безнадельных дней.

В своем "Сибирском дневнике" Эрнст Двингер рассказывает о пленном немецком лейтенанте, прошедшем долгие годы в концлагерном голоде и холоде: он соорудил там из деревянных планок нечто вроде беззвучного фортепьяно и исполнял на нем странную музыку, слышимую лишь ему самому в этом царстве страданий, среди оборванных узников. И пусть даже мы будем низвергнуты в ад -- но и там в таинственных мелодиях и жестоких образах отжившей красоты до нас, вопреки злодействам и безумствам, будут доноситься отзвуки той мятежной гармонии, что из столетия в столетие свидетельствует о величии человека". Остается лишь уточнить, что тут речь о концлагере времен I-й мировой войны.

Шахматисты в свою очередь неявно поддерживают существование Роберта Фишера -- в теперешнем, так заработанном, наработанном качестве.

М.М.Ботвинник в статье "Перед матчем" ("64", •47, 1971) писал:

"У нас порой воспевают гениальность Фишера, в то время как он этого еще не доказал. Фишер замечательно считает варианты... Он быстро принимает решения, хорошо ориентируется в сложной борьбе. Фишера отличает высокая техника. у него есть правило: он -- сознательно или подсознательно -- действует за доской всегда рационально (курсив мой -- Л.Б.). Фишер идет на рискованное продолжение тогда и только тогда, когда хорошо знает варианты. Поиск нового в шахматах не является сильной стороной Фишера, может быть в этом и сказывается недостаточность общей ("культуры" -- написал я, и ошибся, у Ботвинника -- "общей подготовки"). Но он знает все, что опубликовано (курсив мой; вспомним героя, главного героя

романа М.Пруста "В поисках утраченного времени", о котором его приятель замечает: вы -- человек, который все читал, -- Л.Б.), проверяет за доской и берет на вооружение" (цит. по кн. "744 партии Бобби Фишера", Москва, "Ролег лимитед", 1993, стр.185).

Там же, на следующей странице -- еще любопытнее. Очень трудно оторваться:

"С гениями за шахматным столиком успешно состязаться невозможно. И если мы хотим успешно бороться с Фишером, мы должны признать, что он не гений (курсив и разрядка мои, -- Л.Б.), и изучить его сильные и слабые стороны так, как это сделал в 1927 году Алехин перед матчем с Капабланкой.

Сможет ли Фишер стать чемпионом мира? Еще несколько лет назад я говорил, что сможет, если станет побеждать сильнейших гроссмейстеров. Сейчас он это делает. Фишер весьма расчетлив. В свое время он отказался (?) от матча со мной, полагая, что выигрыш принесет ему мало славы (??), а проигрыш поколеблет его репутацию. Я хотел сыграть матч с Фишером, мне это было интересно, хотя и допускал, что проиграю. Объективно этот матч принес бы Фишеру больше пользы, чем мне, и, может быть, настанет время, когда Фишер будет жалеть, что такой матч не состоялся".

Но ведь Фишер тоже хотел играть с Ботвинником -- только на своих условиях. Вспомним, уже второй раз, его фразу, ключевую для понимания его сегодняшней позиции: "Каспаров? Он будет играть матч со мной -- на моих условиях" (и дальше как бы слышится -- "или не будет играть со мною вообще"; но Фишер не добавил этих слов -- они слишком уж само-собой-разумеющиеся). Профессионал высшего класса, Михаил Ботвинник так до конца и не разгадал суперпрофессионала Роберта Фишера. Впрочем, мы об этом уже говорили.

Не отстают от Ботвинника и другие наши герои. Каспаров отделался от проблемы Фишера "пензионерским" определением. Ему хотелось бы ну, вроде того... заключительное первое слово сказать, закрепить за непослушно возникшим Фишером нечто вроде клички, загнать его в невозвратные старики, в прошлое, в решительное, необратимое и незыблемое. Он -- единственный законный, первый, безусловный и безукоризненный чемпион. Фишер -- явление неправомочного призрака, представляющего "старые" шахматы, пройденные. Архивные.

Ах, Фишер вернулся? Ну, значит, он не может вернуться.

Опасная -- для самого Гарри Кимовича -- позиция. Лучше, на всякий случай, готовиться к Фишеру. Но ведь делать это означает, в сущности, делать как Фишер. Значит, Роберт Джеймс, а не Гарри командует -- делай, как я! Делать так совершенно невозможно, нелепо. Творчество, как известно, давно и непреложно, это -- не труд, не работа, но образ жизни. Профессиональная подготовка (тренировки, идущие 24 часа в сутки, даже, а может быть в особенности -- и в основном! -- во сне) это словно бы (!) образ жизни вдвойне, а то и втройне. Понять это, признать это, осознать, значит как бы решить (или даже решиться) выполнять. Но где взять такую решимость? И зачем? Если эти, наличные и очередные, новые, грядущие партнеры, включая гениального Карпова (с ним, правда, пришлось повозиться), побеждены и регулярно, уверенно (не без отдельных микросрывчиков, всегда купированных) побеждаемы. Но при этом -- такая уж это игра -- не происходит подтренировываемости: не то напряжение, попросту немножко Каспаров, каждый раз, страшновато сказать, разучивается играть на полную катушку. Тем более сейчас, когда Карпов отпал, отгородился, отторгнут, отграничен, отгорожен (в одних турнирах не играют, поссорились).

Что явно на руку Фишеру. Уж это пояснять не стоит.

"-Существует мнение, что Фишер искал повод затруднить проведение этого (1975-го года, с А.Карповым, -Л.Б.) матча. Как, по-вашему, мог бы отразиться почти трехлетний перерыв на его спортивной форме?" -- такой вопрос был задан Анатолию Евгеньевичу гроссмейстером А.Матановичем -- уже после увенчания Карпова лавровым венком. Вопрос, скажем прямо, вполне плоский -- для тех лет, для того периода, и не только. Традиционно-тенденционный. Вопрос обычного шахматиста.

Но и ответ А.Карпова огорчительно обыденен:

"-В практике Фишера уже были длительные перерывы -- например, между межзональным турниром 1967 года в Тунисе и "матчем столетия" в Белграде. Тогда этот перерыв оказал на его творчество благотворное воздействие. В то время он имел перед собой ясную цель (курсив мой, -- Л.Б.) -- завоевание чемпионского титула, и потому испытывал творческий подъем. После победы над Спасским наступил ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ (?!!). Исчез стимул для кропотливой работы (!), для самоусовершенствования. Известно, что и все (!) остальные шахматисты после завоевания чемпионского титула по меньшей мере полгода не выступали в соревнованиях и довольно долго оказывались не в состоянии одерживать победы на сильных гроссмейстерских турнирах. Психологически все это легко объяснимо, и мало кто способен преодолеть подобный кризис (!). Возможно (!), что именно поэтому ФИШЕР НЕ БЫЛ РАСПОЛОЖЕН ИГРАТЬ СО МНОИМ МАТЧ" ("744 партии Бобби Фишера", М., "Ролеп Лимитед", 1993, стр.274).

Да, поневоле можно предположить, что суперпрофессионала может (мог бы) понять, достаточно полно и точно, лишь другой суперпрофи (какового до сих пор рядом с Фишером -- наряду с ним -- не появилось, да и то, что есть он один, живой, уже почти, практически, -- чудо).

Карпов -- в плену все той же, уже набившей оскомину, но вновь и вновь... подновляемой, возникающей в первоизданном виде, вроде бы, ну, самоочевидной, неотразимой, обыденной (до невозможности) идеи: раз выдвигает такие условия, значит -- на самом деле не хочет играть. Условия -- только предлог. Т.Петросян в свое время договорился до того, что если, мол, вы удовлетворите решительно все требования Бобби, он обязательно выдвинет новые -- и так, надо понимать, до бесконечности...

Но чтобы принять требования Фишера, играть с ним, с полным учетом их, пусть не вполне успешно, хотя бы сносно, не с уникальными счетами (0:6, 0:6) или не вполне приличными (матч в Буэнос-Айресе (!), да и в Рейкьявике тоже), надо тренироваться -- никуда от этого не денешься... ну, если не вполне как Фишер, то в духе Фишера... А это многим, слишком многим, по очень уж разнovidным причинам, совсем недоступно; об этом, о таких тренировках -- если учесть условия, в которых гроссмейстеры-практики добровольно живут -- и подумать смешновато.

Где оно, место для кропотливой работы по самосовершенствованию -- среди этих ворохов забот-хлопот, перелетов-переездов, в лавинах партий с разными по силе противниками, в погоне, прямо скажем, за призами, иногда -- за приличными, иногда средними, порой незначительными, а то и жалкими. Вечная гонка, круговорот, круго-верть борьбы за выживание, само-существование, за оправдание -- хоть какое-то -- своего звания, не столько шахматного, сколько, скажем, главы семейства -- отца, дяди, деда, мужа-кормильца и т.п., и т.п.

Говорит Михаил Лермонтов:

НО ЧТОБЫ ЗДЕСЬ ВЫИГРЫВАТЬ РЕШИТЬСЯ,

ВАМ НАДО КИНУТЬ ВСЕ: РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ И ЧЕСТЬ,
Вам надо испытать (!), ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать...

Разбирать снова и снова, наращивать и уточнять, утончать самоанализ, создавать все новые и новые варианты автопортретов, -- беспощадно правдивых, уточнять наличие и структуру способностей, отдельно (!) -- наклонностей и тех наилучших настроений, состояний (и не одних духовных, но и материальных, житейски обеспеченных, защищенных), в которых предпочтительнее вести эту жесточайшую умственную борьбу (войну), смахивающую вместе с тем на вольное творчество, на научную дискуссию, на порывы, едва ли не поэтические.

По Фишеру совершенно необходимо добиваться, да и поджидать, обеспечивать, скрупулезно накапливать, наращивать, скажем, энергетическую наполненность (переполненность, но -- не чересчур), свежесть поддерживаемую, длительную, бесперебойную в идеале, сохранять вкус к борьбе, своего рода сочность, "нагуленный" (в том числе, думаю. и от слова "про-гулы") аппетит к борьбе. Она должна вестись непринужденно, хотя и жестко, можно сказать, смачно, обстоятельно, и -- еще раз -- свежо.

Говорит другой Михаил -- Ботвинник:

"В анализах дебюта, середины игры и эндшпиля я стремился передать читателю самое важное в шахматах -- позиционное понимание (курсив и разрядка мои, -- Л.Б.). Иногда оно основано на общих принципах, иногда же базируется на точном, конкретном расчете". (М.М.Ботвинник Аналитические и критические работы. 1957-1970. Москва, издательство "Физкультура и спорт", 1986, стр.?).

Период наивысших спортивных успехов, как показывает опыт чемпионов мира, в том числе и Фишера, наступает при появлении трудноуловимой гармонии -- а еще более трудно СОХРАНЯЕМОЙ -- между этими двумя "базами". То есть тогда, когда ПОЗИЦИОННАЯ ИНТУИЦИЯ работает, равно и попеременно опираясь на принципы и расчет. Но расчет невозможно или во всяком случае исключительно трудно возвращать -- и наращивать -- сознательно, тем более -- уточнять. А вот принципы поддаются отделке, "воспитанию", уходу, даже "пропальванию", корректировке, прояснению и т.д.

Говорит Василий Смыслов:

"Надо быть фанатиком в любом деле. Вот, говорят, шахматы -- это наука, шахматы == спорт. Все это справедливо. Важен результат. Мы играем, чтобы добиться победы. и все-таки для меня путеводной звездой всегда была интуиция, которая иногда мне изменяла. Тогда я терпел поражения, причем не мог понять сначала, в каком состоянии лучше играть. Потом я осознал, что мне несвойственно стремление, как говорят, ненавидеть партнера". (Газета "Вечерняя Москва", • 69 (21761)).

Отработка, обеспечение, в, пожалуй, определенной мере "консервация" наилучшего, наиболее своего настроения. Такие вещи "отстаиваются" в тиши кабинета, длящейся не одну-две-три недели, во время "затяжных" перерывов, тайм-аутов совершенно добровольных.

...привыкнуть ясно

Читать на лицах чуть знакомых вам

Все побужденья, мысли; годы (!)

Употребить на упражненье рук,

ВСЕ ПРЕЗИРАТЬ: закон людей, закон природы.

День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,

И ЧТОБ НИКТО НЕ ПОНЯЛ ВАШИХ МУК.

В предельнейше-сжатом виде изложенная грандиозная программа, осуществляемая == Карпов здесь не прав -- не только (и не столько) ради предстоящего завоевания чемпиона мира. Это -- программа всегдашней подготовки профессионала, не зависящая от достигнутых им высот, от чинов-званий, доступных ему, от ожидаемых перспектив.

Обнаружить результаты титанической, невысказанной (для нас, простых людей, даже по сути своей непонятной) работы профессионал может только на деле, только добившись благоприятного, положительного баланса, в том числе -- и в первую очередь -- цифрового. Вот почему так осторожно, крайне, неслыханно ответственно и принципиально подходит Роберт Фишер к каждому своему публичному выступлению.

Может быть, более всего способна удивить самостоятельность полная, исключительная, -- в разработке этой части программы: "привыкнуть ясно читать на лицах чуть знакомых вам..." Все же шахматы -- не карты (а Лермонтова -- вместе с Арбениным -- легко "заклеймить" и отбросить, объявив это все программой подготовки карточного хитреца, ловкача, проще сказать, почти шулера. Можно и без "почти": "И не краснеть, когда вам скажут ясно: "Подлец!"").

Итак, необходимы, на мой взгляд, специальные люди, способные посмотреть (всегда смотреть; находящиеся неизменно под рукой у каждого участника соревнований, на высшем уровне в особенности!) на всех партнеров и самого "шефа" строго со стороны, помогающих поддерживать объективность, правдивость портретирования.

Фишер работает без портретистов. По крайней мере, их имена нам неизвестны и вряд ли когда-нибудь откроются. Тем более интенсивно, безотказно -- и опять-таки само-углубленно -- он должен действовать.

Конечно, речь о словесных портретах и авто-портретах, о меняющихся -- с годами!

-- корректируемых, доказательно обосновываемых "зарисовках" и фундаментальной, "станковой" живописи. Гроссмейстеру перед турниром, не говоря уж о матчах (и в этом жанре портретирование необходимо как воздух; и не одно только субъективное (поневоле), то есть осуществляемое лишь одним (!) участником, легко превращающееся в субъективноватое "психоложество", порой несколько искусственное), надо регулярно выслушивать словесные зарисовки, эскизы, силуэты, касающиеся того (тех), с кем придется сесть за доску. И -- заранее, очень заранее, чтобы эти психологическо-специальные, шахматно-человеческие, так скажем, наброски, к началу соревнования успели как будто забыться, уйти в подсознание, там залечь и даже -- отлежаться. И уже оттуда действовать, как бы невзначай, незаметно, подчеркиваю, вполне неосознанно -- во время самой схватки.

Такого рода "советчики" будут неизбежно помогать в выборе матчевых партнеров, если, конечно, эти, будущие, противники -- не исключительно назначенные (читай == навязанные) логикой отборочной мясорубки...

Подготовка к матчу -- даже не наука, но нечто вроде комплекса наук, вырабатывающих многосложную концепцию предматчевого и соревновательного, "непосредственного" поведения, линии борьбы, в том числе запасные, резервные...

Наличие упомянутого рода сотрудников не отменяет роли и "должности" более обыкновенных психологов, в том числе следящих за состоянием совершенно определенных параметров нервной системы своих подопечных во время игры, участвующих в "ремонтах" -- в периоды перерывов, тайм-аутов, в том числе (и в особенности) длительных -- либо в самом матче (по Фишеру, безлимитном, до значительного количества побед), либо между

матчами.

Но это уже во многом зависит от умения и желания сотрудничать, от наличия подобных, глубоко-интимных помощников, являющихся -- в случае успеха == невидимыми, но полноправными, по сути, соавторами победы. Не каждый ведь согласен ее и разделить -- в самых наилучших случаях... Не всех устраивает роль как бы "выпестываемого", не всем идет -- и по сердцу -- роль просто ПОД-опечного... наставляемого, снабжаемого более или менее правдивой информацией о самом себе. Зеркала нередко удаляются, либо... разбиваются (в худших вариантах).

Фишер пошел дорогой полного и окончательного самовоспитания, самоподдержания == тона, тонуса и еще многих и крайне многих необходимых данных, параметров, условий ровной, напряженной и плавно (планово?) проводимой борьбы. В тщательнейше отработанных (соблюдаемых), подконтрольных -- по возможности полностью! -- условиях.

Он "оформил" звание чемпиона мира, предварительно "всего-навсего" став сильнейшим практически. В книге А.Н.Голубева и Л.Э.Гутцайта, которую я уже цитировал, "744 партии Бобби Фишера", М., "Ролег Лимитед", 1993 на 18-й странице читаем: "От себя заметим, что Спасский по состоянию на 1972 год (до матча) был единственным гроссмейстером, не проигравшим Фишеру ни одной из пяти сыгранных партий при трех победах и двух ничьих.

-Фишер, на мой взгляд, -- сказал Борис Васильевич после своей сенсационной победы над американцем на Олимпиаде в Зигене (см. партию •618), -- шахматист ясного, чистого стиля и очень большой практической силы. Он фанатично предан шахматам, обладает огромной работоспособностью и глубочайшими шахматными знаниями... Фишер предпочитает ясную и логичную игру, любит, как принято говорить, играть сам и при этом чтобы противник был покорным. В инициативной борьбе, когда чаша весов колеблется, он еще не вполне искушен. Если же игру ведет партнер, да к тому же создает угрозы, Фишер испытывает состояние неуверенности. Именно так и случилось в нашей встрече, когда в один момент партия сошла с рельсов логики и я (по необходимости!) избрал рискованное продолжение с неясными шансами. Оказавшись в непривычной ситуации (?!), Фишер потерял нить игры и потерпел поражение".

На той же странице начинается предостерегающая характеристика Фишера, которую дал по окончании буэнос-айресского разгрома Тигран Петросян:

"Фишер играет великолепно и доказал свою силу. Он быстро схватывает все проблемы позиции и немедленно их решает. Я должен предостеречь Спасского, что Фишер вооружен всеми новыми идеями в шахматах. Его ничем не удивить. как только Фишер добивается хотя бы малейшего преимущества, он начинает играть как машина. Невозможно даже надеяться на какую-либо ошибку. Фишер -- совершенно необыкновенный шахматист. матч его со Спасским будет жестоким" (стр.180-181).

Конечно, трудно, невозможно, да и незачем спорить с такими специалистами. Но теперь удивляет, во 1-х, верность (в общем и целом) и, во 2-х, некоторая поверхностность этих оценок. Еще раз подчеркну -- их недостаточная конкретность. Мне представляется, что зигенский победитель определил ход (и исход) своей партии с Фишером так (прежде всего!), как ему было... удобно. А Т.Петросян подвел итог своей катастрофически закончившейся, явно непосильной (уже!) для советского гроссмейстера, встречи с Фишером в поспешно-пессимистических, опять-таки слишком общепанических, словах.

Зигенское поражение очень и очень многому научило

Р.Фишера.

Партия была проиграна из-за... слишком сильного желания победить. Выиграть во что бы то ни стало.

Добросовестный исследователь творчества Фишера, Эдмар Меднис, в своей превосходной, высококачественной книге "Как побеждали Бобби Фишера" (Москва, издательство "Прогресс", 1981), в графе "Причина поражения", так и отмечает (стр.19): "Слишком рьяное стремление к победе". Кстати, в оставшихся проигранных партиях такового Фишер не показал. Спасскому (в 1-й партии рейкъявикского матча) он проиграл из-за "небрежности", а в трех других проигранных -- Петросяну (2-я партия матча-71), Ларсену (Пальма-де-Мальорка, межзональный турнир, 1970), Спасскому (11-я партия матча-72) он был переигран.

Но ведь, учитывая высоту профессионализма Фишера, оформившегося окончательно перед 1970-м годом, если не намного раньше, можно было сделать предположение, что такая партия проиграна... как бы (а почему нет?) провокационно. "Слишком рьяное стремление..." подвело Р.Фишера последний -- перед встречей со Спасским (в Зигене) раз аж в... страшно представить -- в первенстве США, в декабре 1962 года, в партии с самим Э.Меднисом! А всего из 61 проигранной партии Фишер потерпел поражение по данной, банальнейшей, причине только в семи! Этот грех молодости, вдруг выскочивший в сентябре 1970-го, несколько подозрителен. Вернее, повторяю, мог бы таким показаться. Но не показался.

Допустим, эта гипотеза неверна. Но в таком случае очень легко представить, сколь тщательно, многократно -- десятки, сотни раз -- была она, эта, "злосчастная", партия рассмотрена, пересмотрена, вдолблена Фишером самому себе в голову. Легко вообразить специально изготовленные -- в "маниакально"-критическом раже -- диаграммы, крупноформатные, повсюду преследующие хозяина в его жилище, глядящие на него со всех стен...

Фишер проиграл, в частности, из-за не слишком вездливости внимания к, во-первых, особенностям собственной пешечной структуры -- в районе расположения черного короля; во-вторых -- тоже не слишком полноценного внимания к силе и слабости так удобно расположившегося на с4, на половине белых, коня... Не принимавшего никакого участия в защите того же короля черных. К тому же он отдал линию "е"... что ему совершенно несвойственно: строго-позиционная манера Фишера никак не предполагает такого рода уступок. К тому же прошли слухи о приготовлениях к... победному банкету (в Зигене), которые вели, якобы, американцы. Многое, словом, подозрительно, если не сказать больше. Как подозрителен и проигрыш (после чудовищно легкомысленного хода 29. ... Cd6:h2??). Вслед за этим подарком последовал еще более щедрый, если это только возможно, и внезапный -- неяска на вторую партию (в Рейкъявике). Счет матча стал 2:0 в пользу Спасского. Такого матча! Так начавшегося и с такими, очень деликатно выражаясь, "перипетиями" (многочисленными) организованного и начатого. Сопровождавшие это начало, эту организацию, эту договоренность, "осложнения" должны были убедить Спасского и его команду, что создалась -- независимо ни от чего остального!! -- совершенно, безусловно, чудовищно, невероятно НЕНОРМАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА. Матч не имело продолжать смысла. Матч не имело смысла продолжать (от волнения я, пожалуйста, простите, стал как бы заговариваться, да что там -- просто забалтываться... без "как бы"). Акакию Акакиевичу надо было -- по идее -- идти на барахолку, да, да, продавать (с Петровичем в качестве конвоя (!), допустим) великолепную, чудесную шинель, чтобы там же купить некое довольно теплое, но

внешне непритязательное вот именно барахло, новый, в сущности, капот.

Вовсе не хочу парадоксальничать. "Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые (!) дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?" (стр. 141, цит. соч.) Прошу простить за повторную цитату, но не могу, поверьте, обойтись без нее. Это же невозможно -- так жить дальше, с такой шинелью, об опасности появления которой Башмачкин был честно и конкретнейше, и самым настоящим образом, предупрежден. Помним, что после роковых слов "куницу (!!)" на воротник", после такого, заключительно-рокового штриха, превращавшего шинель в нечто совершенно... недоступно-сказочно-чудесно... опять-таки недоступное, после "куницы", крайне нереалистическое, сдержаннее выражаясь, вот что ведь следует -- на той же стр. 141-й третьего тома собрания сочинений Н.В.Гоголя (Москва, Гос. изд-во художественной литературы, 1959):

"Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности (курсив и разрядка везде мои, -- Л.Б.). Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул "ух!" и перекрестился".

А может и не надо было сдерживаться-то? Может, лучше было откровенно "ухнуть", да погромче, чтобы обратили и другие (Другие!) внимание, закрепив многосторонне этот ужасный момент. Может быть, хоть это помогло бы осознать -- чем отчетливее, чем проще, тем лучше, чем прямее и крепче, тем лучше, чем грубее. тем лучше! == насколько Акакий Башмачкин ЗАРВАЛСЯ?!

"Сиди, лягушка, в той же луже, чтобы не было хуже"... Что можно, тем более в такого качества ситуации, возразить против народной мудрости!

Полная невозможность жить дальше с таким, с позволения сказать, пузырем упований! Он обязательно, всенепременнейше должен, обязан быть проткнут, он обязан исчезнуть как сон, улететь, скрыться, исчезнуть ("И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало"). Ну конечно же, у такого как Башмачкин, не должно было быть такой шинели. У такого человека не могло быть (ну, разве что в течение 2-3 суток, -- для издевки большей -- со стороны так называемой судьбы) такой шинели, такой -- к тому же, видите ли, "одушевленной" одежды. Это

-- немыслимо, а значит, и невозможно -- роскошно; это -- вот именно НЕДОСТУПНАЯ == в принципе -- роскошь. А в жизни профессионала (тяжким трудом добился Башмачкин такого положения, стал по сути дела -- если бы вдруг провели конкурс (эпизод в складывающийся сценарий "Новой Шинели") -- одним из лучших переписчиков департамента, группы, "куста" родственных департаментов, а может, и всего Санкт-Петербурга, а может, и всей России). А может и лучшим -- чистым, Простым переписчиком Государства Российского. А что -- почерк и количество допускаемых ОШИБОК, может быть, чем черт не шутит, и позволяют на деле надеяться на такое? А вот и следующий сюжетный ход (поворот в воображаемом сценарии, демонстрирующем правильное, логичное -- с точки зрения ОСОЗНАННОГО профессионализма, то есть особо, крайне редкого -- продолжение чудесных событий). Башмачкин (вариант -- посмертно) получает сумму (в качестве приза), в несколько -- во много -- раз превосходящую, понятно, стоимость утраченной шинели; Петрович (пока, допустим, Акакий Акакиевич тяжело болеет) закупает материал, но на класс еще выше не так давно закупленного, и шьет, изготавливает новый шедевр.

От которого отказывается -- вот в какой форме? надо подумать; впрочем, это не столь уж и важно, не столь принципиально важно! -- выздоровевший и прозревший Башмачкин. И вот они идут на барахолку -- с новым шедевром: не пропадать же

вещи!

Башмачкин возвращается к прежнему образу жизни -- не потому что он такой уж бессребреник, не потому что не хотел бы тепло одеваться. Нет, он вынужден одеваться (как Фишер вынужден где-то жить, под какой-то крышей, вот он и живет -- в гостинице); но -- одеваться лучше... как-то по минимуму, а совсем просто выражаясь -- одеваться скромно, крайне скромно, может быть, и предельно скромно.

И опять вспоминается Ботвинник, его замечание насчет того, что претендентам на мировое первенство желательно вести "несколько" даже "аскетический образ жизни". Потому что этого требуют ИНТЕРЕСЫ ДЕЛА. Потому что живя так, с такими-то вот "ампутированными" мечтами, профессионал уменьшает вероятность этих самых, постоянно тем не менее угрожающих (такова жизнь, такова практика), ошибок.

Спасский ну никак не мог вести со счетом 2:0 -- после таких "коллизий" -- да еще выиграть так начавшийся матч. Как Анатолий Евгеньевич ну никак не мог выиграть матч (тем более, что играл с гениальным шахматистом, рекордно-молодым претендентом), начавшийся со счета 4:0 после всего-навсего 9-ти первых партий (стартовых партий). А уж при счете 5:0, то есть когда прозвучал напоследнейший звонок, -- все; это сказка. переходящая в сверхсказку, так случилось вот, в самой что ни на есть реальной действительности, хотя такого не бывает, не может, не должно и, еще раз, -- никак не может быть; это -- нечто невероятное, а значит, надо кончать это дело, закрывать лавочку, разбежаться, да, да, бежать от такого партнера, с которым -- вместе с которым -- уже совершено нечто столь НЕСОВЕРШЕННОЕ, напроць невероятное, значит -- незаконномерное до предела. Закономерно было бы прекратить этот беспредел, ибо иначе будет хуже, будет крайне нелепо, будет трагически-нелепо-плохо, и наказание обрушится на главного нарушителя, который обязан осознать немислимость и еще раз невозможность обрушившихся на него благ.

Акакий Акакиевич уже потому шел навстречу своей гибели, как оказалось, физической даже, что он губил в себе профессионала, он поставил под угрозу безупречность своей работы. Не собственно даже уровень ее, но степень рвения, с каким она выполняется, степень тщательности, ответственности. Он ослабил истовость, прилежание в работе. Мысли о Другом вторглись в святая святых == рабочие мысли, мысли о работе.

Начала разрушаться внутренняя Цитадель. Но это не остановило несчастного НЕДОПРОФЕССИОНАЛА, оказывается...

Башмачкин погиб физически, "связавшись" с шинелью, возведя ее в ранг едва ли не сверхценности. Да еще и настроившись вернуть то, что безусловно и безвозвратно утрачено.

Карпов при счете 4:0, а затем, и особенно, при счете 5:0, задумал блестяще победить Каспарова, не заметив такого пустяка: это, в тех, сложившихся, условиях было невозможно. И он действительно не выиграл (не была присуждена победа) матч, прерванный при счете 5:3 в его пользу. И решил... непременно выиграть следующий, другой, уже лимитный, из 24-х партий, матч. как-то забыв (упустив из виду) очевидное: ведь Каспаров, четко сумевший его, Анатолия Евгеньевича, "подзавести" -- своим поведением, в том числе в период закрывания матча и после -- как раз обязан матч выигрывать, что он остается всего лишь претендентом; к тому же он очень многому научился в течение первых 48-ми партий.

Спасский упустил из виду, что качество и количество подготовки к Рейкьявику-72 уж слишком разнилось у него и Фишера, что пик его, Бориса Васильевича, успехов позади, если

не далеко позади, что надо признать игровое превосходство Бобби, явленное в предматчевый период со всей рельефностью.

Но и Карпову, и Спасскому признать довольно очевидные вещи было неприятно, было бы... и непривычно. В то время как профессионал -- для которого, как известно, высшим принципом является принцип безопасности -- почти всегда готов перестраховаться и как-то попытаться сохранить, особенно в оценке своих шансов, осторожную трезвость.

"В то время как большинство шахматистов с трудом контролируют во время важных партий свои эмоции, сверхоптимистично оценивая свои шансы в атаке или сверхпессимистично в защите трудных позиций, Фишер УМУДРЯЕТСЯ КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ОСТАВАТЬСЯ НЕИЗМЕННО ОБЪЕКТИВНЫМ" (Роберт Бирн, цит. по кн. Э.Медниса "Как побеждали Бобби Фишера", М., "Прогресс", 1981, стр.23).

"Даже в самый разгар яростной схватки с Мигелем Найдорфом, в ходе атаки с жертвами -- это было на Олимпиаде в Варне в 1962 году -- тактические фейерверки ни на миг не отвлекали его внимания от общей оценки (курсив везде мой, == Л.В.) позиции и таких понятий, как пешечная структура, слабые пункты и прочих здравых позиционных соображений" (Р.Бирн, там же, стр.21).

А может быть, шахматы в еще большей мере, нежели политика, -- искусство возможного?

И жизненный, и шахматный опыт с каждым годом все упрямее, настойчивее убеждают: даже выдающиеся мастера, добившиеся несомненных, иногда больших, очень больших успехов в своем деле, если они (мастера) не ведут постоянной, напряженной умственной работы, не обдумывают непрестанно самые основы Дела (именно так, с большой буквы, единственного своего Дела), терпят неожиданные, иногда катастрофические, поражения. Это -- одна из мыслей "Шинели", а может быть -- одна из главных; может быть -- основная мысль. Великий переписчик Башмачкин остался маленьким человеком потому что жил с залепленными мозгами, а отчасти и глазами; он не пытался промысливать основы своего существования, а следовательно == работы; работы, а значит -- существования. Он жил как профессионал, но когда так скончался, оказалось, что был все же недопрофессионалом. После проигрыша матча Фишеру оказалось, что профессионализм универсального шахматиста Спасского не был столь уж высоким и всеобъемлющим. А профессионализм А.Карпова, не сумевшего подготовиться соответствующим образом ни к игре с претендентом вообще, ни к безлимитному матчу в частности, тоже оставляет желать лучшего.

Именно профессионализм рождает особую пронизательность, касающуюся подходящих, достойных условий осуществления своей, не побоюсь этого слова, "миссии"; к какого рода уровню относятся предлагаемые, как правило, недостаточные, "не те", обладающие рядом изъянов, условия, профессионал определяет необычайно четко. И весь он сам, весь его организм отвергает это "не то", он был бы рад, если бы крайние обстоятельства не принуждали (не принудили) его тем не менее здесь и сейчас, вот в этом бедламе, работать. Он "брыкается", протестует, вслух или про себя. Он согласен скорее не жить, чем осуществлять себя не так, как надо, как требует все его существо, целиком предназначенное для полного, беззаветного -- и беспрепятственного -- осуществления в Деле.

Фишеру, достигшему высот суперпрофессионализма, то есть практически-фанатического (извините за рифму) отношения к своей работе, как бы крайней степени осмысления ее основ, суждено оставаться непонятым. Даже теми, кто в упомянутом отношении

несколько приближался к нему. Еще раз процитируем М.Ботвинника -- его статью "О борьбе за первенство мира и несостоявшемся матче" (см. кн. А.Голубева и Л.Гутцайта "744 партии Бобби Фишера", М., 1993, стр. 270):

"Тот факт, что за два года и семь месяцев, прошедших с окончания матча в Рейкьявике, Фишер не выступал на соревнованиях, не сыграл ни одной турнирной или матчевой партии, позволяет сделать вывод, что он просто не был готов (?!) к тому, чтобы защищать свое звание. Многие не без оснований (!) считают, что если бы было удовлетворено и последнее неспортивное (?!) требование Фишера о предоставлении форы в два очка, то и в этом случае он не стал бы играть, а искал бы новые придирки и поводы, чтобы уклониться от борьбы. Таким образом, ответственность за срыв матча полностью лежит на Фишере".

Даже для патриарха советских шахмат неясно, что профессионал не может -- и не имеет права быть -- "неготовым" в подобного рода ситуации. А если он действительно считает себя неготовым, то -- уходит в отставку, сдает позиции, слагает с себя звание. Фишер же в знаменитой телеграмме сложил с себя всего-навсего звание чемпиона мира ФИДЕ. Вне рамок этой организации, не под ее эгидой он, следовательно, готов защищать чемпионский титул (а то, что Фишер играет сильнее всех в мире -- независимо от наличия или отсутствия в природе структуры ФИДЕ -- было со всей очевидностью, с избытком доказано в 1970-1972 гг.)

М.Ботвинник считает требование признать матч закончившимся вничью при счете 9:9 и сохранить звание чемпиона за тем, кто этим званием уже обладает, неспортивным. Он далеко не одинок. Можно сказать, что весь шахматный мир, вся Америка, в частности, возмутились такой "выходкой". Впрочем, не вся на 100%. На 276-й странице упомянутой книги читаем:

"...с большой статьей под многозначительным названием "Смысл решения Бобби Фишера" выступил американский психоаналитик Барри Ричмонд. Манипулируя модной (?) в современном психоанализе терминологией (?), "наводя тень на плетень" (!), он окружил решение Фишера своеобразным психологическим контекстом и пытался показать, что Фишера неправильно понимают.

Но главной бомбой, целью которой было воздействовать на американскую публику, явилась весьма объемистая статья профессора математики Чарльза Кальме... в которой, произвольно подобрав факты и опираясь на сомнительные (?) математические выкладки, Ч.Кальме стремился доказать, что условия Фишера выгодны и шахматному миру, и претенденту. Тогда (на конгрессе ФИДЕ в Бергене, == Л.Б.) эта статья особого впечатления на делегатов... не произвела. И вот теперь с большой помпой (!!) эту статью преподнесли американской публике.

Среди специалистов статья Кальме немедленно вызвала отрицательную реакцию. В "Нью-Йорк Таймс" высказался гроссмейстер Р.Бирн: "Если бы у меня было время (??), я бы написал статью, высмеивающую (!!) Кальме. Только глупцы могут поверить, что Фишер был невинным ягненком, которого ФИДЕ повела на убой!"

По-видимому, статьи Кальме и Ричмонда вызвали такую волну откликов, что "Чесс лайф энд ревью" был вынужден открыть специальную рубрику "Письма читателей". Авторов статей поддержали лишь немногие. Значительное большинство высказало и недовольство решением Фишера, и несогласие с выводами Ричмонда и Кальме.

Вот некоторые выдержки из этих писем..."

Мы приведем лишь одну, может быть, из числа наиболее, ну, как бы это поделикатнее сформулировать?.. наиболее простодушных и прямолинейных. Однолинейных.

"С вашей статьей, Кальме, вы сошли с ума! Абсолютно ничто не препятствовало Фишеру играть в шахматы между матчами. Ясно, что он просто не хочет играть (разрядка и курсив мои, -- Л.В.). (М.Книбс)."

Нет, не могу удержаться, не процитировать еще один отзыв -- с позволения сказать -- на мнения, высказанные специалистами:

"Нельзя ли прекратить печатать подобные статьи? Ведь журнал предназначен для тех, кто играет в шахматы, а Фишер, кем бы он ни был (!) давно их БРОСИЛ. Пусть он ЗАСЛУЖИТ, ЧТОБЫ О НЕМ ПИСАЛИ. До тех пор, пока он не сядет за доску, единственное место, где должно быть его имя, -- это телефонная книга! (В.Маккой)."

Но где же дискуссия, где перипетии конкретного, подлинно делового обсуждения? Почему авторы нашей книги, Андрей Голубев и Леонид Гутцайт, не достали обсуждаемые статьи, не перевели их (не отдали перевести) и не опубликовали, лучше в полном виде; ну, пусть хотя бы в сокращении, хотя бы на самый крайний случай в отрывках?

Неужели опять готова возобладать привычка родных "ревнителей": "Я Пастернака (роман) не читал, но гневно осуждаю...", "не читал, но считаю долгом советского человека заявить, что..."

Конгрессмены, гроссмейстеры, другие специалисты, приставленные к шахматам, к решению судеб условий матча на мировое первенство -- в рамках ФИДЕ -- среди мужчин, с самим Фишером, и тогда, еще до лишения его звания, и потом, уже с "лишенцем", с экс-чемпионом мира (ФИДЕ), не спорили. Не обсуждали его предложения, как оказалось, поданные в ультимативной форме, не развернули своих доводов, не конкретизировали их. Казалось, почему бы еще тогда, сразу по их появлении в Америке, не воспроизвести перевод (а то и английские тексты) этих одиноких статей в журналах "Шахматы в СССР", "64-Шахматное обозрение", например? Чтобы в крупнейшей шахматной державе мира тоже могла бы, быть может, развернуться предметная дискуссия.

Нет, не то... время. А может быть, не совсем те подходы? А может, это -- в некоторой мере традиционное нежелание вникнуть в суть позиции (точки зрения) глубокого профессионала? Пусть укажут мне на хотя бы одну-две диссертации на темы: "Вопросы профессионализма в творчестве Пушкина", "Лермонтов и вопросы профессионализма", "Философско-художественное осмысление проблем профессионализма в творчестве Гоголя", "Задачи и установки профессионалов в трактовке Гоголя (повести "Шинель", "Портрет" и другие произведения)". Что-то не видно такого рода диссертаций, статей, даже заметок, эссе, газетных публикаций, журнальных, книжных тем более.

Есть писатели, к примеру, долго, очень долго молчашие, молчавшие. Но если после "Тихого Дона" М.Шолохов в течение многих лет не опубликовал ничего крупного, законченного, то это не значит (никому в голову не приходило, да и не могло прийти), что он может уже не считаться писателем, что он "не готов" писать, что он "давно ничего не пишет", что он "не заслуживает, чтобы о нем (!) писали". Но если шахматы, как сказал в свое время Ботвинник, ничем не хуже скрипки, то они не хуже и художественной литературы; только здесь шедевры не пишутся в одиночку, а чтобы подготовиться должным образом к такой тонкой вещи как соавторство, к такому деликатному процессу, необходимо

время, выдержка, колоссальные, ежедневные, неотступные усилия. Нужно умение выждать, ожидать подходящих, подходящих условий, всесторонне благоприятных. Популярный драматург Мишарин и знаменитый режиссер Андрей Тарковский работали над сценарием фильма "Зеркало" не слишком традиционно, хотя, как сказано в заголовке воспоминаний Александра Мишарина, "Работать было радостно и интересно" (см. журнал "Киносценарии", •6 за 1994 год, стр. 47-51).

"Сценарий писали сказочно быстро. В самом начале 68-го года мы взяли путевки на два месяца в Дом творчества "Репино". первый месяц мы занимались чем угодно, только не писали, а общались" (стр.47).

Еще бы! Надо ведь было загодя приглядеться друг к другу, привыкнуть или заново привыкнуть, приспособиться. А может быть, главное -- наладить предварительное взаимодействие и отойти от суеты, от замордованности студийно-литературной, повседневной, столично-тусовочно-колготной жизни, от мишуры и шелухи принятых будней, от накопившейся оупляющей усталости -- от быта и будней.

"Первый месяц мы... не писали, а общались. Потом все РАЗЪЕХАЛИСЬ, мы остались ВДВОМ... С самого утра Андрей приходил ко мне в номер, мы обговаривали эпизоды. Главное, и это поражало меня всегда, что каждый рассказанный им эпизод был на пределе отточенности формы (еще бы! после столь солидной подготовки! да и условия создались -- лучше некуда! -- Л.Б.) Не просто: "Мы напишем об этом". Нет, мы знали, как это выглядит, как решается, какой это образ, какая последняя фраза... Это было какое-то вулканическое извержение идей, образов. И он всегда добивался крайне точного зрительного образа и безумно радовался, когда это получалось"...

"Литературно Андрей был одарен абсолютно, и, работая с ним, я не чувствовал себя ведущим, но и ведомым не ощущал... Наверное, поэтому так легко и естественно, в одной манере, одной рукой была написана наша история и в столь короткое время. Причем мы писали не более полутора-двух часов в день, и это было не высидивание, это не был каторжный труд (курсив везде мой, -- Л.Б.), это было радостное, приятное дело, мы искали только, чтобы это было "поталантливейе, поблестящее..."

Итак, сценарий, который мы вместе создали, состоял из четырех лет (!) притираний (оказывается, первый, "бездельный", месяц в "Репино" был лишь маленьким последним этапом этой сложной процедуры, -- Л.Б.), двух недель работы и месяца до этого разгульной жизни" (стр.49). "Андрей был счастлив скоростью (!) и результатом и улетел на две недели РАНЬШЕ (!) в Москву с готовым сценарием" (стр.49).

Пример идеально-ПОЛУЧИВШЕГОСЯ соавторства! В чем-то (во многом, считаю) напоминает сказочно-удавшийся, наполненный и жесткой борьбой и творческим со-трудничеством матч-реванш Р.Фишер -- В.Спасский (Югославия, 1992). А ведь могло и не получиться, не-состояться, авторы-соавторы могли как-то сбиться, "не совпасть", резонанс мог быть по каким-то, в том числе труднообъяснимым, для самих участников, причинам сорван, нарушен. А.Мишарин и А.Тарковский многое заботливо и проницательно предусмотрели. Р.Фишер старается предусмотреть и продумать все возможное, почти все мыслимое -- прежде всего в условиях реализации соавторства с подходящим (это не значит легкопобеждаемым!) партнером.

И одна фраза А.Мишарина об Андрее Тарковском, мне кажется, как нельзя лучше высечивает то, что можно назвать "перспективой Фишера": "Он пытался вернуть искусству нашего

времени достоинство подлинной культуры".

Может быть, это -- одна из заповедей профессионализма. Одна из главных. А то и самая основная. Вернуть искусству достоинство подлинной культуры. Но определенный уровень культуры становится неощутимым, неуловимым для людей недостаточно "подкованных", недостаточно точно, плотно, подробно, философски-обоснованно, фундаментально, недостаточно вчувствованно разобравшихся в специфике своего занятия, своего предмета. Обсуждаемого предмета, да еще такого "от природы" сложного, многосложного, междисциплинарного, как шахматы. В частности, этические принципы профессионализма (тем более -- суперпрофессионализма) оказываются сплошь и рядом "темными", непонятными и непонятыми, не так понятыми; обыденность восприятия, упрощенчество захлестывают критиков единственного живущего сейчас шахматиста-суперпрофи... Так, наверное, будет еще долго продолжаться. Годы, десятилетия? Возможно. Тем более, что МОЖЕТ НЕ СЛОЖИТЬСЯ... Новый Е.Василевич может не возникнуть, условия для нового "чуда" на Свети Стефане и в Белграде могут не прийти, не образ-оваться. И -- никакого матча, ни одного соревнования с участием Роберта Фишера -- до конца его дней -- может не состояться: комплекс обстоятельств не будет в какой-то момент гармоничным, так и не станет таковым...

"...нахожусь", -- писал А.А.Алехин в знаменитой статье "Нью-Йоркский турнир 1927 года как пролог к борьбе за мировое первенство в Буэнос-Айресе", "в периоде, к счастью, бывающем у меня не часто и продолжающемся недолго, в периоде, когда шахматное мышление требует двойного нервного напряжения, отнимает гораздо больше времени, чем всегда, несравненно скорее, следовательно, утомляет и только в редких случаях может повести к гармоничному (курсив мой, == Л.Б.) творчеству".

Такого рода периоды или, скорее, быть может полосы, у внимательного к себе очень сильного шахматиста могут длиться неделями, месяцами... Но почему и не годами?.. Особенно если слежение -- очень тщательное, самораскрытие -- весьма полное, глубокое, или, скорее, дотошно-глубинное.

Скажут, что это -- потакание себе, капризы, позиция принцессы на горошине. Профессионал подобными "наветами" и подозрениями, разумеется, пренебрегает. К чему они и зачем? Что они могут значить?..

Фишер скрупулезно сопоставляет такого рода явления, поражающие его коллег, а его самого -- тем более. В Рейкъявике с этой стороны были даже взаимные в некотором смысле накладки. По большому счету матч был подпорчен, если не испорчен (как и исторический Нью-Йоркский турнир, 1927-го года -- для А.Алехина, вынужденного в нем участвовать, о чем в упомянутой выше статье сказано вполне отчетливо).

Быть или не быть -- на сцене? Играть или не играть? Ведь партия -- это и рукопашная схватка, и научное исследование, ведущееся в каком-то смысле в одиночку, со своей стороны, и свободная дискуссия, проводимая по строжайшим правилам. Фишер взял на себя ответственность за установление непререкаемо предлагаемых правил творческих встреч, ведения исследовательского процесса двумя лицами, находящимися -- за доской -- в состоянии соавторства. Получилось так, что некоторые установления Р.Фишера вышли ему боком, могли быть поняты (и оказались поняты именно так) в смысле для автора, для установителя таких правил (очень фундаментально, изошренно продуманных -- на основании интенсивного и плодотворного знакомства, пожизненного изучения шахматной игры в ее

неизбежных игровых ипостасях) -- неблагоприятном. Фишер без колебаний пошел на это, избежал оправданий, запретил их себе, чтобы не быть... дополнительно (и может быть, окончательно уже) обвиненным, завиненным.

Но время должно же когда-нибудь -- и вот уже этот период наступил, наступает все еще! -- повернуться, даже перевернуться, начать, и в глазах самого обычного, обыденного наблюдателя, беспристрастно-здравомыслящего человека, работать на Фишера.

Кто знает, сколько их -- 2000? или 3000? или около того? -- людей, на всей Земле вот сейчас -- и, надо думать, не больше, не особенно меньше будет завтра, послезавтра, горсточка, пустяк, две-три тыщи человек из 5 миллиардов (или сколько там, точнее, сейчас, насчитывается всех, всего?), -- способных осмысленно следить за ходом шахматной партии! Следовательно, составляющих самую основную, а может и единственно-подлинную, часть шахматной публики. Остальных интересует не столько ход, конструкция, содержание событий, сколько итог, результат, не плавание, а тавань, в которой заканчивают путь корабли. Становятся на вечный прикол.

Существование вне текучки очередных шахматных событий, бесконечно-публичных перипетий шахматного процесса для Фишера неизбежно. Статус не позволяет. Решаемые им задачи требуют редкой по углубленности и интенсивности работы; и вести ее "по-моцартовски" Роберт Фишер явно не расположен, да и не умеет.

Тем более, что, по моим предположениям, лишь в последние годы (последнее десятилетие?) перед ним раскрылись просторы того, что хотелось бы назвать непринужденной, отнюдь не гоночной во всяком случае, интеллектуальной подготовки.

Процесса (подробно о нем как-нибудь в другой раз), позволяющего даже в чем-то и "догонять" более молодых коллег, подравняться, не побоюсь этого слова, "карательно" (коварно) "подстраиваться" под них.

Может быть, вынуждая, пусть в незначительной, хоть в какой-то степени определенные, желательные ответные, адекватные меры. Хотелось бы верить в это.

Каталитически воздействовать на шахматный процесс, поднимать престиж игры, ну, не давать ему слишком уж опускаться! Фишер давно, считаю, оправданно и плодотворно, на часах. Ничего другого как будто не остается. Таковы шахматы.

Леонид БАРАЕВ
1992-1996,
г.Дмитров